

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Иммануил Платов

Пассажир

Иммануил Платов

Пассажир

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Платов И.

Пассажир / И. Платов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Действие повести «Пассажир» разворачивается в нулевые годы. Это рассказ о взлете и падении бизнеса уральского олигарха средней руки (Посторонним В.). Скрытые пружины обогащения и борьба за успех в мире, который герои не выбирали. Действующие лица: олигарх Посторонним В., его серый кардинал Упырь, финансист-идиот Дубовир, водители-сироты Пуговица и Эполет, логист Масленица, «безопасник» Толян и многие другие. Рассказ от лица сотрудника фирмы (И. Платов). Веселые и не всегда законные приключения героев, а также экзотические путешествия, бизнес и мир, каким он был в нулевые, и каким уже никогда не будет. Почти документальная история, где вымышленным является только то, что необходимо для связки сюжета. Содержит нецензурную брань.

© Платов И., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Ветер сдувает лепестки сакуры
Туман застилает дорогу
Никто не знает своей судьбы

Записка.

Вязкий ликер Амаретто напоминал о себе легкой тошнотой, которая усиливалась, при мысли о том, что ликер запивали вчера какой-то ванильной газировкой. Были еще воспоминания о плавном мелькании героев мексиканского сериала в телевизоре, фоном подвывающий Гребенщиков, завитки лапши мгновенного приготовления, крошки хлеба на столе и ночь на топчане между кирпичной стеной и штабелем гипсокартона. Память о прошлом вечере, проведенном в возлияниях с другом по университету, на его рабочем месте в сторожке магазина, навивала тоску. И без того серый утренний мир казался еще более серым и пустым. Впрочем, несмотря на эту пустоту и бесперспективность, вокруг, и особенно на остановке, было много людей сосредоточенных и недовольных, ползущих в неизбежный новый день и в беды с ним приходящие.

Я вошел в автобус. Протиснулся между ватно-драповыми спинами, обтирая перья с чужих плохого качества китайских пуховиков, и встал на подножке у первой двери, чтобы как штурман, отделенный от хмурой толпы перилами, смотреть на стелящийся под колеса асфальт, присыпанный снежной крупой.

Замелькали дома, казалось, стены были обиты подмокшим бурым картоном, а черные голые ветви тополей и пики чугунных оград усиливали промозглый вид. В редких окнах еще горел свет, приглашая в тепло и уют и напоминая измученным почти десятилетием реформ гражданам, что существует другой мир, спокойный и правильный, с кружевами на сервантах и горячем чаем.

Я приехал домой, когда утро уже готовилось передать эстафету трудностей новому дню, но еще оставляло последнюю надежду для ленивого ничегонеделания. В этот час, особенно остро не хотелось практической суеты, а напротив хотелось сна, теплой ванны и покоя. Но на столе лежала записка. Фирме требуются сотрудники, телефон, мама.

Мне уже давно была нужна работа, я вздохнул и немного помявшись, пошел звонить.

Ближайший телефон был в 20-ти минутах ходьбы на почте. Дорога туда после вчерашнего далась нелегко. Цепляясь плохо слушавшимися пальцами за железный диск телефона, я набрал номер. Бодрый голос секретарши сообщил время и место собеседования. Я договорился о встрече, вернулся домой и провалявшись весь день на диване, немного пришел в себя. Ровно без четверти четыре я уже был в помещение офиса моей новой работы. Яркая галогеновая лампа над дверью при моем появлении замигала, оставив на сетчатке яркую солнечную нить. На трассе за окном ухнул в колдобину прицеп и дама у стола, заваленного бумагами и кубами оргтехники, вопросительно обернулась.

Я немного сбивчиво объяснил цель своего визита.

– Ждите, – сообщила дама у секретарской стойки, посмотрев с интересом, и немного свысока.

Что, ж спешить было некуда, осмотревшись, я уселся на диван. Минут через десять, новый посетитель, женщина лет 40-ка промаршировала к секретарям и заявила, что она пришла по поводу вакансии. У меня было мало опыта в новой обстановке, но внутри разлилось приятное тепло, как от первых глотков вина в дружеской компании. Конкурент явно не принадлежал этому месту и времени, наоборот, этому офису скорее принадлежал я, молодой, перспективный, неопытный, готовый на многое, чтобы стать частью этого уверенного и дорогого мира. Конечно, только на время, просто чтобы заработать денег, и доказать, что презираешь их не потому, что, что не можешь получить.

«Прорвемся, старикам тут не место!» – заключил я про себя и с удовлетворением стал смотреть в окно. Появилось солнце и по-рериховски осветило и раскрасило хребты и массивы города в желтое и фиолетовое. Среди советской застройки из потемневшего серого кирпича, сверкали вкраплениями пластика и стекла фасады бизнес-центров, кое-где виднелась помпезная лепнина на фасадах сталинских зданий, шумел находящийся рядом вокзал. А почти у самого горизонта, словно циклопические остатки древней цивилизации, чернели и тонули в дымке огромные заводы. Они напоминали туши завалившихся навзничь гигантских окаменевших фантастических и полезных монстров из прошлого с наросшим реликтовым лесом из не дымящихся труб.

Произошло движение, и ко мне подошел человек.

– Здравствуйте, – сказал человек и жестом пригласил пройти.

Человека, звали Михаил Игоревич, как выяснилось позже, в офисе за глаза все звали его Упырь. Мы зашли в комнату переговоров и посмотрели друг на друга. Упырь представлял собой типаж советского технаря-интеллигента средних лет, вооружившегося цинизмом нового времени, верой в деньги и презрением к тем годам, когда он вместе с целым отделом таких же «шуриков», чертил на кульманах очередное зубчатое колесо. Он и был похож на поистаскавшегося Шурика из комедий Гайдая, рыжеватый, неброский, в очках. Но вот теперь, волею судьбы, а также благодаря качествам так не достающим новым хозяевам жизни, а именно уму, эрудиции и способностью мыслить системно, он был принят и даже занял значительное место в их иерархии, подвинув многих. За незначительной внешностью скрывалось знание простенькой психологии новых боссов и умение на ней виртуозно играть, а также расчетливость и отсутствие всякого стеснения идти по головам за место под солнцем в новом мире. Так он стал Упырем.

– Расскажите о себе, – последовал стандартный вопрос.

О себе? Ну что ж, я был обычным советским ребенком со способностями чуть выше среднего, необщительным характером и любовью к книгам. За книгами я просиживал все свободное время и впитывал из них все то, что должен был впитывать правильный советский мальчишка, а именно – веру в борьбу, высокое предназначение человека и силу добра. При этом я был трусоват и за все детство и юность ни разу не подрался. Улицы я избегал, предпочитая ее рисованию и чтению. Когда в очередной раз у меня забирала мелочь у кинотеатра и на остановках старшая гопота, крайне уязвленный собственной слабостью я шел домой и отжимался, поднимал гантели, а потом опять садился за книги, воображая себя победителем, как книжные герои. К четвертому классу выяснилось, что склад ума у меня строго гуманитарный, книги интересуют приключенческие и исторические, что естественным образом привело к логичному ответу на вопрос «кем быть».

– Кем быть? Каким быть?

О, этот вопрос задавался ребенку в СССР почти с детского сада. На него юным гражданам отвечали Борис Полевой, Маяковский, Вальтер Скотт и Джек Лондон, а еще, местная шпана, малолетние нарушители, шлявшиеся по каждому микрорайону в поисках драк, приключений и доминирования. С кем быть, каждый решал по своему, в меру желания или нежелания быть как все. Однажды, набравшись решимости, и выйдя из комнаты на улицу, я даже побыл какое-то время «бандитом» одной из мелких группировок моего околотка, правда, но драк с цепями в руках дело не дошло. Все ограничилось футболом в осеннем парке в компании ребят, с удивлением звавших меня за спиной «интеллигент» и договоренностью заниматься «бандой». Вскоре, этот мирок я навсегда покинул.

Окончательно отказавшись от улицы, я решил стать историком, поступил в кружок «юный археолог» при Дворце Пионеров, съездил в несколько экспедиций, поступил на истфак, отслужил год в армии и вот теперь сидел перед Упырем, с дипломом историка и полным отсутствием опыта в какой либо работе.

– Что это? Исторический факультет? – Упырь, слушавший меня до этого почти благо-клонно, и краем глаза смотрящий в документы, вдруг слегка поморщился, как будто понял, что ест или пьет не то, что заказал.

– Вы куда пришли молодой человек!? В объявлении ясно сказано – знание английского. Вы что, думаете, что у меня достаточно времени, чтобы его терять тут с вами!? – Упырь говорил с неподражаемо отвратительной интонацией, он даже почти не повысил голос, но это было хуже чем любой крик или брань. Впоследствии, я много раз видел, как одной этой интонацией Михаил Игоревич морально удавливал не только подчиненных девиц и студентов вроде меня, но и взрослых солидных мужиков с портфелями, иномарками и животами, вываливающимися из ремня. Люди начинали заикаться, терять линию, на которой стояли, и в итоге всегда соглашались под давлением Упыря. Ну, или почти всегда.

Впрочем, я ждал такого поворота. Почти не дрогнув голосом, я ответил:

– Посмотрите вкладку, диплом защищался на английском языке, кроме того, вот, – и я выложил последний козырь, красные корочки «военный переводчик».

Как я их получил? Отдельная история. Служа солдатом срочной службы, в подразделении, относящимся к разведке округа, большую часть времени я переводил для нашего генерала книжку “Informational warfare”, и чтобы не терять год понапрасну (будучи в хороших отношениях с начальством) договорился о сдаче экзамена на военного переводчика. Пару недель я читал военные словари, а затем перелез через забор Высшего Командного Артиллерийского Училища (не шучу, пропуска у меня не было), сдал экзамен двум пожилым гражданским учительницам и уже вечером имел в кармане красный красивый диплом за подписью генерал-майора – главный итог и достижение моей армейской жизни.

Как выяснилось, через забор я лазил не зря. Удостоверение переводчика вкупе с тем, что я не пал под убийственными комментариями Упыря, его ко мне расположили. Мы поговорили еще немного, и он меня отпустил, сказав, что решение примут через неделю.

Любой человек знает, что если чего-то уверенно ожидаешь – скорее всего, пролетишь, и наоборот, вещи на которые не сильно рассчитываешь и надеешься, случаются именно тогда, когда о них почти забыл. Неделя закончилась и звонка я так и не дождался. На исходе недели я навестил друга по университету все в той же сторожке. Помню что потом, по дороге домой я стоял на остановке и смотрел, как весеннее холодное солнце закатывалось за асфальтовый холм дороги, и в голове бродили мысли о никчемности и неуспешности. В таком настроении я пришел домой.

– Звонили из фирмы, сообщили, чтобы выходил на работу в понедельник, – сказала мама. Фирма.

В первый же день мне определили рабочее место с компьютером, телефоном и всем что положено. Я огляделся. Окружало меня рабочее пространство из стандартных стеклянных перегородок с рабочими столами, за которыми сидели менеджеры. Чуть в стороне за отдельными перегородками находилось руководство, бухгалтерия и секретари. Офис сиял свежим ремонтом, импортной оргтехникой, и излучал достоинство и достаток. На кожаном диване у входа вальяжно сучали сироты-водители.

– В солидном офисе клиент с деньгами проще расстается, а ты думал, зря мы столько на ремонт угрохали? – заметил Упырь.

Мне предстояло трудиться в торговом доме машиностроительного завода. Вокруг завода, который собственно производил продукцию, со всеми его инженерами, начальниками участков, технологами, учетчицами, складским хозяйством, транспортным цехом и столовыми, кормилась и процветала система торговых домов. Каждый из торговых домов занимался одной из сладких функций, как то: снабжение, сбыт и сбыт за границу. Существовала также и просто парочка фирм- прилипал друзей большого босса, которым тоже нужно было что-то кушать. Все это великолепие кучковалось вокруг фигуры упомянутого босса, Семена Моисеевича и

состояло из птенцов гнезда его группы в институте, где Семен Моисеевич изучал физическую культуру. Каждый из директоров торговых домов был связан с боссом не только бизнесом, но и многолетней бедовой жизнью студентов физкультурного фака.

Таким другом юности был и Посторонним В., это прозвище, пришедшее из юности, прочно прилипло к носителю, однако все давно остерегались произносить его вслух и не только в присутствии носителя. Посторонним В. был генеральным директором моей конторы, это был классический пример человека с шилом в жопе. Чернявый и быстрый как солдат румынского стройбата первого года службы, Посторонним В. был человеком легкоатлетического сложения и имел обаяние цыгана, уводящего вашу лошадь. Говорил он часто быстрее, чем думал. Впрочем, в условиях тогдашней жизни это было скорее преимущество, так как уверенность стоила больше чем рассудительность, а умение пустить пыль в глаза, являлось основой успеха в бизнесе. Заместителем Постороннего В. был человек прямо противоположного строения. Звали его Лось. Это был коренастый, лысеющий мужчина лет 30-ти, глядящий исподлобья и имевший манеры братка, слегка облагороженные цивилизованным пространством офиса. Начинал Лось перепродажей китайских футболок с портретами Рембо, но благодаря своей ухватистости и знакомствам быстро поднялся. Я часто представлял Лося таким деревенским кулаком с окладистой бородой, сидящим в просторной избе за столом в компании подкулачников, отправляющим в рот пригоршни квашеной капусты, и раздающим задания по репрессиям в деревне против тех, кто ему должен. Этот парень никогда не выпускал из рук то, что удалось схватить. Впрочем, как и все вокруг, нрав Лось имел веселый, любил шутки и разговоры о приключениях прошлого.

Далее вниз по иерархической лестнице шел народ. Пройдемся же между рядами, никого не отвлекая.

Вот, опутив серьезное лицо над бумагами, сидит Саша Шестаев, будущий владелец ювелирного заводика, а также косметического салона в помпезной сталинке в центре города. Личность в высшей степени благоразумная и спокойная.

Вот дремлет и видит сон о рыбалке Леша Козел, человек с вечными удочками в багажнике машины, а также обладающий супер – способностью делать сальто в прыжке с места, будучи почти невменяемо пьяным.

Вот к трубке телефона приткнулся мужчина лет 50-ти в свитере. Он явно выбивается из общей картины, мы с ним подружимся. Мужчина наполняет пространство низкими частотами своего бубнящего баса, кажется, что где-то работает небольшой сабвуфер, который транслирует в мир негромко ухающую ахиною. Когда-то он был советским инженером и МНС кафедры сварки, а сейчас он менеджер продаж – Сергей Бочарян, или просто Боца.

Вот, задев углы и громко крича, входит в офис и плюхается на стул небольшой круглый человек в кожанке. Не снимая в помещении кепку с ушами, он продолжает кричать в телефон, создавая вокруг себя атмосферу уверенной истерики по поводу очередной неподачи вагонов. Это начальник отдела отгрузки, пресловутый начальник транспортного цеха, или просто Масленица. Помните мультфильм? «Масленица приходил, сам маленький, а важный!» Оттуда.

Вот сидит и думает о бабах шлангообразный лысеющий молодой человек, Игорь Дубовир. Он всегда о них думает. Интеллектуальные способности Игоря не позволяют окружающим называть его иначе, чем Дубом.

Вот, рассматривает варианты дизайна ванной комнаты руководитель службы безопасности Толян. Толян – подполковник милиции в отставке. Он горький пьяница и рубаха – парень. Толян задумчив, вчера вечером он где-то оставил машину. Где не помнит, так как в том состоянии, в котором он был вчера, обычно ничего не помнят. Конечно, машина в очередной раз найдется, а мы с Толяном много покочесим по нашим и не нашим весям.

Вот, похохатывая и скрестив толстые руки на животе, сидит крупный Женя Балун. Балун всегда одет в одну и ту же синюю джинсовую рубаху и черные джинсы. Карманы рубашки,

плоские в начале дня, к концу обычно приобретают пухлое наполнение. Это деньги, ведь Балу продает запчасти и работает с наличкой. По этой причине он всегда скрытен и весел. Радужным хохотом Балу заглушит любой неудобный вопрос. В среде жуликоватых торговцев незадокументированными запчастями его опасаются и уважают.

Вот встали с дивана и проследовали в комнату переговоров отжиматься сироты – водители. Внешность обоих не оставляет сомнений касательно их прежних занятий. Один – здоровенный, высокий амбал по прозвищу Эполет, второй – маленький и квадратный, Леа Пуговица, оба – адские источники постоянного косяка, приколов и историй с криминальным уклоном. У обоих – бандитские физиономии. Оба яростные бездельники, пьяницы, хохмачи и ловкачи. Пару лет назад, в связи с общим угасанием девяностых, а также с разгромом некоторых не очень законных структур (разгром сопровождался стрельбой и арестами), Эполет и Пуговица лишились начальства, осиротели и остались не у дел, но поскольку они учились вместе с Посторонним В. в институте, он по-отечески приютил сирот.

Напротив, уткнулся в ноутбук Упырь. Упырь умен и занимает положение серого кардинала. Большую часть времени он ходит по порно – сайтам, или обсуждает заводские сплетни по внутреннему телефону, но когда нужно, к его слову прислушается Посторонним В., и угрюмо промолчит Лось. Кроме того, Упырь ведет выгодный проект, под который меня собственно и взяли на работу. Впрочем, об этом далее.

Помимо этого, офис наполнен еще парой десятков сотрудников. Всех их будет вымывать течением времени и денег, ну а я буду представлять их в порядке появления и убывания, если понадобится. Итак, приступим с богом, приступим к новой работе и взрослой, со всеми вытекающими последствиями, жизни.

Удивительное пиво Грольш.

Первое лето моей трудовой деятельности выдалось на редкость жарким. Я не помнил еще такого тяжелого, невыносимого лета. Три месяца температура не опускалась ниже тридцати. Ночами жара спадала всего на несколько градусов, ветра, дождя, ничего не было. Дома раскалились и не отдавали жар за недолгую душную ночь. Открытые настежь окна не приносили облегчения. Утренняя прохлада не наступала. Вареный народ медленно плелся на остановки. Среди вялой толпы плелся и я. В голове кирпичом лежала ночь, проведенная почти без сна и тяжелое знание неутешительного прогноза погоды на ближайшие недели.

Не легче было и от новой перспективной работы. Помимо бесконечного каталога запасных частей, который меня посадили переводить, набирать и верстать, Упырь загрузил совершенно безумными с точки зрения меня тогдашнего, делами, как то: отправкой бесчисленных факсов с прайсами и запросами, сбором пакетов документов, счетов-фактур и накладных и прочей работой менеджера отдела продаж на экспорт. «Бумажка», презрение к которой, с детства воспитывала юношеская литература, стихи поэтов-коммунистов, и КСП, вдруг стала «документом». И этот документ вдруг стал самой важной частью в моей жизни. Но самым невыносимым было то, что меня нагрузили коммерческими заданиями, которые я должен был решать с голосами по ту сторону телефонной трубки. В голосах слышалось иногда коварство, иногда злое презрение, а чаще высокомерная снисходительность. Я должен был продавать. Находить способ заставить незнакомого мне человека расстаться со значительной суммой денег за железный агрегат сомнительного пост – советского качества.

– Все твое будущее от продаж, – сказал мне Упырь и я понял, что истории про поедание дерьма на пути к успеху, о которых читал в книгах, про капиталистическую действительность, ожили и стали актуальны и для меня.

Каждое утро, выходя из троллейбуса, я шел в офис с тяжелым чувством. Слава богу, думал я, что у меня были задания по переводу, и меня не уволят сразу, за полное отсутствие азарта продавца и моральное несоответствие миру торгашей и бизнесменов и их простыми и отвратительными рефлексам. Моя интеллигентность и «возвышенность» (противно так

писать про себя, но тогда это была правда), явно не соответствовала типажам новых коллег, их разговоры казались примитивными и пошлыми, такими же, как и их цели в жизни. Но что тогда я делал среди них?

Войдя в офис, я попал в волну очередной дискуссии начатой Бочаряном. Боча регулярно становился объектом насмешек из-за баек, которые он любил травить, это были и завиральные теории пост-советской псевдонауки, и рассказы про стаю кроликов, переплывших Атлантику, и про его кота с интеллектом хомо сапиенс, и про то как Боча выдавал себя за подводника, чтобы попасть в ресторан на день ВМФ, и про его знакомства с Рэем Чарльзом и московской Мельпоменой, про его внебрачных детей в Европе, и про все, до чего мог дотянуться и что мог переиначить его беспокойный разум. Бочарян, взлохматив поседевшие вихры постаревшего сорванца, хрипло пытался доказать свою безумную правоту, а народ смеялся и крутил пальцем у виска. Боча был белой вороной, почти как я, но значительно старше.

С другой стороны, Бочу рассматривали как полезного менеджера, ведь он имел язык без костей и умение уверенно доказывать любую чушь. С незнакомыми людьми это часто работало, и было важно для продаж.

Следующим необходимым качеством была наглость. Способность действовать локтями в своих интересах. Навык, которым во времена моего детства отлично владели продавцы овощных, мясных и ликере-водочных магазинов, и который осуждался в правильных книгах и фильмах. Наглый анти – герой в них всегда терял. В новой жизни, терять стали те, кто в серьез воспринял эту мораль и не предпринял ничего для самосовершенствования способности плевать на окружающих. Упырь требовательно шептался с Посторонним В. о новой иномарке, Дубовир с Козлом похихатывая, получали дополнительные командировочные на «отдых» – то есть на проститутток, Эполет с Пуговицей деловито отгружали в багажники мешки сахара, ящики консервов, шины, да и вообще, все что бог ни пошлет в вагоне с бартером. Я же постеснялся попросить лишние сто пятьдесят рублей к зарплате, и копил на музыкальный центр. Музыка была для меня той отдушиной и целью в жизни, о необходимости которой мне твердили с детства.

Когда-то, во времена школьной юности я увлекся роком, настоящим, первобытным, мощным как ядерный взрыв. Роком 60-х во всей его юности и красоте. Дело было так. В археологической лаборатории, где я бывал в качестве кружковца, лаборант Митя заводил проигрыватель каждый раз работая с фондами. Как-то вечером, я сидел бессмысленно разглядывая схемы погребений и думал, что археологом я наверное не стану. Играла пластинка группы Роллинг Стоунз из серии «Архив популярной музыки». Первая сторона не оставила в моей душе никаких следов, я любил бардов, Наутилус Помпилиус и не понимал как можно играть что-то интересное на трех гитарах и ударной установке. Первая сторона закончилась, Митя встал, подошел к проигрывателю и перевернул пластинку.

Сначала раздались шипение и скрип, а потом...

“What a drag it is getting old!” – вскричал из матерчатого динамика Мик Джаггер и во всем моем организме, случилась мгновенная как удар или приятный сердечный приступ перемена. Я внутренне задрожал и понял, что эта песня и музыка – самое настоящее и непостижимое из того, что я знал. Еле дождавшись положенного времени, я выбежал из лаборатории, доехал до музыкального магазина, купил пластинку за 3 рубля 40 копеек и слушал ее дома весь вечер. В тот день я понял, что меня действительно интересуют в жизни.

Звонок факса вернул в действительность. Глянцевая бумага, испещренная графитовыми цифрами и таблицами, поползла на свет божий. Очередной прайс, нужно было бережно подшить в соответствующую папку, желательно при этом изучив и запомнив цены.

А за окном в жаре набухало густое зеленое лето, пятница подходила к концу.

–Сегодня можешь уйти пораньше, – милостиво бросил Упырь.

– Очень кстати, – подумал я и быстро собравшись, вышел на свободу.

Я шел по летнему городу. Зелень оттеняла дорогу, и путь мой был легкий и лежал он в квартал старых домов, студенческих общежитий, разрисованных ржавых гаражей и тропинок среди сирени, в археологическую лабораторию педагогического института. Там меня уже ждал старый друг и собутыльник лаборант Митя. Тот самый, что поставил пластинку, определившую мои вкусы на всю оставшуюся жизнь, единственный человек с которым я мог обсудить последние соображения по поводу музыки почти забытой поколением. Вообще-то, лаборантом Митя уже не был, а напротив, был преподавателем в коммерческом вузе. Несколько лет мытарств по музеям с мизерными зарплатами и должностями младших сотрудников для него завершились счастливым трудоустройством и почти достойным положением коммерческого преподавателя, впрочем, денег, как и мне, ему платили пока мало.

Лаборатория встретила подвальной прохладой. Из фото-каморки слышалась песня Боуи про Звездную Пыль, в коридорах царил полумрак, камерные воспоминания, мелодия и голоса незнакомых студентов в чайной.

Давно, в годы экзальтированной юности кто-то сказал мне, что Дэвид Боуи – гений и классик, что Дэвида Боуи должен слушать и почитать каждый просвещенный меломан. Естественно, после такой характеристики я полюбил Дэвида Боуи всей душой, а чуть позже, получил возможность слушать его записи. Каждый раз, когда я приносил домой новую кассету с очередным Боуиным альбомом, мне предстояла большая работа – дослушать, прочувствовать и полюбить очередной пример творчества Дэвида. Не скажу, что это было просто. Наиболее частой реакцией на каждую новую запись были недоумение, разочарование и непонимание того, что миллионы людей нашли в этой нудятине. Однако, как усердный меломан я не останавливался перед трудностями. Слушал Боуи снова и снова, до тех пор, пока не привыкал и не начинал верить, что передо мной действительно великий образец музыки. Наверное, когда-то давно, Дэвид смог вот также убедить кого-то важного и заставить поверить в его творчество, тот в свою очередь заставил так думать других, далее цепная реакция просто прокатилась по миру не оставляя не вовлеченным никого.

Митя меня уже ждал.

– Новое пиво «Грольш» появилось, видел? – заметил я, когда мы быстро покинули подвал лаборатории и направились по основному делу.

– Да – ответил Митя.

Пиво «Грольш» тогда только начали продавать в ларьках, и оно поражало воображение нездешней приземистой, пузатой бутылкой, подчеркнута заграничной этикеткой, но самое главное, удивительной крышкой, похожей одновременно на винную пробку от средневекового фламандского кувшина и чеку от гранаты. Одним словом, новое пиво обещало чудеса и рай. Однако, бутылка заграничного «Грольша» стоила в 10 раз дороже обычного жигулевского, поэтому «Грольш» решено было не брать, а ограничиться отечественным напитком. С ним мы и начали свой нетрезвый поход.

Мы шли по дворикам, заросшим зеленью и улочкам центра города. Мы останавливались пополнить запас пива, потом садились на скамейки, заборчики, бетонные блоки, отливали в щелях между старыми гаражами, и за толстыми стволами тополей и пили снова. И лилась, вместе с пивом, беседа про альбомы и песни, про слышанные сотни раз концерты. Удовлетворенный ходом дискуссии Митя утвердительно кивал, а я взмахивал руками и горячился.

– Что мне положительно нравится в современной России, так это то, что нет очередей за пивом – вдруг заявил Митя.

Я мгновенно провалился в воспоминания. Когда-то Горбачев объявил сухой закон, и органы начали борьбу со змием на местах. Водка продавалась с 2-х часов, а с пивом в нашем районе решили поступить еще занимательнее. Свезли все пивные ларьки в одно место недалеко от моего дома. Ларьки выстроились в небольшой микрорайон. Место получило название Долина Смерти. Не сильно знаю, что происходило там в будние дни, но по выходным, автобус-

ные маршруты в наш околоток были забиты страждущими. Люди ехали с банками, канистрами, ведрами и даже чайниками. Кое-кто брал пиво в целлофановый пакет. Однажды, у ларьков натурально видели человека с супницей из фарфорового сервиза. «Мне в нее!» – заявил человек, и очередь с уважением расступилась.

Мы взяли еще пива и вошли в старый двор бывшего обкомовского дома. Я присел на песочницу и огляделся. Опустился вечер и вдруг, как это часто бывает во второй части попойки, краски потускнели, незаметно подобрался холод и понимание бренности сущего. Я увидел мир, как пустой проспект под лучами холодного заходящего солнца. Как горы домов вокруг сырого двора с вялой нераспустившейся сиренью, кошками и драной стекловатой на трубах в подвальном окне. Как отзвуки смеха, чужих голосов и странной музыки, которая подобно связке пустых жестянок, волочется и гремит, а потом исчезает в тишине вечера. И нет никого, и город пуст изнутри и с реки все явственнее тянет вечностью, она окутывает холодом ноги и поднимается выше, стремясь доползти до сердца, и никак не доползает.

Митя тоже погрузился в свои мысли и медленно покачивался, смотря прямо перед собой. Подошел момент, когда вечер нужно было спасать.

– Ну что, в «Соки Воды» и по сто пятьдесят? – утвердительно спросил я

– А потом еще по пиву и можно в лаборатории посидеть, у меня ключ есть – поддержал Митя и мы, обретя второе дыхание, выдвинулись навстречу уже ночному городу и пьяным хождениям по нему.

Далее, воспоминания о путешествии из одной «наливайки» в другую и споры с их подозрительными посетителями перемежались черными полосами, которые слились в итоге в одну. Когда я открыл глаза, было свежее утро, я лежал на связке алюминиевых стоек от палаток и Митя поливал меня из шланга. Одет я был почему-то в синий халат лаборанта. Я сел и потряс головой, как только что помытый кот. В эту секунду дверь открылась, и на пороге появился директор лаборатории, кандидат исторических наук доцент Персигов. Доцент с удивлением обнаружил в святой святых его науки двух похмельных типов среди пост-пьяного беспорядка и нахмурился. Я подумал, что сцена мне что-то очень сильно напоминает и даже произнес про себя:

– Профессор, етить твою мать, заходи, выпей с нами!

Правда вслух я ничего не сказал, а быстро собрался и вышел. Через минуту меня догнал Митя. Ключ от лаборатории в это утро у него решили забрать.

Сначала мы молча шли по улице.

Потом Митя сказал:

– Кстати, а пиво «Грольш» мы все-таки попробовали, помнишь, как на последние деньги брали? –

– Нет

– И я почти не помню. Жаль, наверно хорошее было.

Мы мечтательно помолчали, потом Митя сказал:

– Ладно, я лучше домой пойду, больше не буду пить сегодня, родители опять расстроятся...

– Да и денег нет, – согласился я.

Мы обменялись рукопожатиями, и пошли в разные стороны. Утро лениво катилось к полудню. В сквере прогуливались ранние пенсионеры. Воробышья дрянь скандалила по кустам. На постаменте в парке в солнечных лучах горел бюст Ильича. Город в субботней полудреме не спешил по делам.

Свальный грех и кильки в томате.

С утра Масленица сиял. В то же время, его круглое лицо выражало приподнятую озабоченность. У Масленицы был день рождения, а значит, Посторонним В. уже выдал ему в подарок «котлету». Людей близких и проработавших достаточно долго в конторе поощряли. От

Постороннего В., блага расходились по организации кругами. Те, кто был поближе, ощущали на себе мягкие удары теплых океанских волн в виде новой квартиры или иномарки. Стоявшие подальше, чувствовали ласковый прибой в области коленок и что-нибудь вроде телевизора или видеомagneтофона на день рождения или другую важную дату, ну а до таких как я докатывалась лишь мелкая рябь в виде слов благодарности, обещаний и похлопывания по плечу.

Масленица был удивительным человеком. Вокруг себя он неизменно создавал крик и бурю, особенно если это касалось работы и особенно, если никакой нервозности в принципе не требовалось. Основная его задача заключалась в получении на станции платформ и погрузка на них техники. Эти платформы Масленица выбивал максимально проблемно, каждый его разговор со станцией напоминал Сталинградскую битву. Он кричал, умолял, ругался и давал обещания, и каждый раз, понеся значительные потери, Масленица, в конце концов, оказывался героем. Его уважали, считали незаменимым специалистом, и немного побаивались. Первые три месяца я тоже испытывал трепет перед могущественным логистом, а потом Масленица ушел в отпуск, и как назло, Упырю потребовалась отправка.

– Ну что, иди на станцию, заказывай платформы, – буднично бросил задание Упырь и уткнулся в ноутбук.

Я подумал, что все кончено, что сейчас на станции меня унижат, обсмеют, и отправят восвояси ни с чем, ведь куда мне до Масленицы с его связями и пробивными способностями? Я брел на станцию, чувствуя себя полным ничтожеством и неудачником. Я проклинал свою работу, мысленно восклицая, какого черта переводчик должен идти в пасть железнодорожным бюрократам и выбивать эти проклятые платформы? Но поделаться ничем было нельзя.

– Ну и ладно, увольюсь, нахрен, – думал я с обидой

В таком настроении я вступил на территорию, где обитали inferнальные железнодорожники. Я открыл обитую клеенкой дверь диспетчерской, и не чуя ног переступил потертый миллионами просителей порог.

– Платформы? – вежливо спросила полная дама за столом – Заполняйте бумаги, копии ПТС и договоров принесли?

Через двадцать минут я заполнил все бланки, сделал дело и вышел на волю. Станционные работники со мной вежливо попрощались. После обеда платформы стояли под погрузкой.

– Ай да Масленица, – думал я весь день, после визита на станцию.

Итак, у Масленицы был день рождения. Масленица входил в средний круг, но всегда надеялся максимально приблизиться, поэтому, сегодня, от щедрот и из выданной «котлеты», он организовывал сауну для всей мужской части коллектива.

Я догадывался, что радостное возбуждение, которое многие пытались маскировать деловитостью, происходило не от того, что можно будет, наконец, помыться и выпить пиво, но ничего не уточнял, а просто, как и все ждал вечера.

Балу как обычно похихатывал со своего места, Дубовир нетерпеливо оглядывался по сто-ронам, Леша Козел звонил домой и отпрашивался на вечер, Боча безучастно смотрел в мони-тор, его не позвали, Лось уехал из офиса на весь день, Упырь ерзал в кресле и обрушивал на меня новые задания, тоном обещавшим необязательность их исполнения. Потом он сказал.

– Тут вагон с килькой в томате пришел, я вчера попробовал, так всю банку съел с хлебом. Очень вкусно! Хочешь, возьмем по ящику?

Кильки мне не хотелось, но и отвергать предложение Упыря тоже.

– Ну, я не знаю, можно в принципе.

– Отлично, пойдём, поможешь в багажник загрузить, а я тебе ее до дома подкину.

– Отлично!

– И из зарплаты только полцены вычтем.

Вот тебе и раз, а я-то, надеялся, что обрету ящик консервов на халяву, как это делали те же водители. Однако, что было позволено Юпитерам, не было позволено мне, а отступить было

поздно. Мы вышли в завод. Обогнали промасленную группу рабочих, прошли по впрессованым в асфальт старым рельсам узкоколейки и вошли в китовое брюхо склада. В полумраке до крыши возвышались еще не переваренные едкими желудочными соками коммерции материальные ценности. Ящики с шестернями, валами, редукторами. Ряды коробок передач, двигателей, связок тракторных гусениц. Специальный угол был отведен под продукты. Пришедшая с Владивостока в обмен на асфальтоукладчик и дорожный каток килька в томате стояла в картонном штабеле. Упырь кратко пообщался с кладовщиком. Взгляд у кладовщика был презрительным. Упырь пошел подгонять машину, а я стоял молча. Кладовщик не смотрел в мою сторону, всем своим видом демонстрируя превосходство. Это была обычная поза заводчан. Нас фирмачей, не любили, считали жуликами и паразитами сосущими соки завода и мечтали у нас работать.

Подкатали темно зеленая БМВ. Упырь получил эту машину недавно и надолго стал предметом обсуждения всего завода. Его бывшие коллеги передвигались в основном на полуразрушенных автобусах и трамваях. Мы закинули ящики и выехали. На повороте Упырь притормозил пропуская идущую на зеленый пожилую тетку. Тетка, увидев едущую на нее дорогу иномарку, застыла посреди дороги. Части ее тела произвели одновременные разнонаправленные движения вперед, в сторону и обратно на тротуар. В тоге она застыла как вкопанная, не зная, что делать. Упырь отчаянно замахал, мол, иди!

– Нет, ну ты видел? Насколько народ зашугали! У нее зеленый, а она боится и не идет!

Мы проехали, оставив тетку у обочины, а я думал, что это отвратительно, но приятно, переместится из категории шарахающихся к обочинам, в категорию вальяжно проезжающих на удобный сигнал светофора. На площади мы заметили митинг. Среди плакатов и флагов возвышался ватман с требованием «Верните награбленное!».

– Верните награбленное! – воскликнул Упырь и засмеялся.

– Нет, ты видел? Может действительно кто-нибудь вернет, как считаешь?

Я только криво усмехнулся, представляя, как тысячи красномордых и наглых, интеллигентно – страшных и по бандитски обаятельных новых хозяев жизни, по требованию этих старух, ветеранов и мужиков в бесцветных куртках и отечественных ботинках, расстаются со своими заводиками, магазинчиками, базами, ресторанами и деньгами. К носителям лозунга, никаких движений чувств я тоже не испытывал, их пафос казался бессмысленным и не относящимся к реальности. Кроме того, я ведь сейчас вроде был среди тех, к кому этот лозунг был обращен и не чувствовал неправоты.

– Поработаешь, годик, машину получишь – продолжил мои мысли Упырь.

– Машину? Да я и без нее неплохо живу. Никогда не интересовался машинами.

– Да ладно, машина это комфорт и свобода. Получишь – поймешь.

Возражать я не стал. Работал я старательно, освобождая Упыря от множества задач, ранее бывших его ответственностью, так что Упырь мог мне помочь с дальнейшим продвижением.

Закинув ящики по домам, мы развернулись и взяли курс на сауну, расположенную в частном секторе промышленной окраины. Бывший санаторий для работников железнодорожных мастерских был частично отдан под магазины и подозрительные конторы, один из флигелей предприимчивые молодчики переоборудовали под сауну. Когда мы подъехали, весь честной народ был уже в боевом состоянии, расположившись в вольных позах вокруг большого стола с пивом и закусками. Лоснящиеся физиономии, полуобнаженные тела и туники из простыней делали обстановку похожей то ли на тайное собрание римских патрициев, то ли на пьянку дембелей в солдатском предбаннике.

Масленица натужно изображал хозяина вечеринки и стремился все время угодить Постороннему В. и Лосю. Открывал им пиво, предлагал откусать особого копчения рыбу и хватывал наиболее охлажденные бутылки из рук коллег специально для руководства.

Народ же развлекался в меру своих наклонностей. Толян жарко опрокидывал ледяную водку внутрь распаренного тела. Раскрасневшийся Балу, похохатывал, сложив пухлые ручки на большом белом животе. Дубовир, которому досталась простыня с дыркой, просунул туда немаленькое хозяйство, и скорчив детскую обиженную мордочку картинно восклицал: «Витя, я буду жаловаться на этот сервис!». Лось ржал, стреляя при этом не смеющимися глазами по сторонам. На заднем плане незнакомые мне люди стучали бильярдными шарами. Потом открылась дверь, в сауну легко вскользнули три проститутки. Хотя я и ожидал этого, но сердце мое учащенно забилося.

Надо сказать, что при всеобщей сексуальной революции вокруг, с переходами набитыми эротическими журналами на плохой бумаге, вечерними передачами по центральным каналам и штабелями кассет с порнухой в каждом ларьке видеозаписей, я жил в своем замкнутом мире, без женщин и всякого секса. Не то чтобы я был слишком застенчив или нехорош собой, нет, просто бегать за противоположным полом ради секса, тратя время и деньги, казалось мне нецелесообразным. Кроме того, я ждал, что со мной, возможно, случится любовь, и не хотел размениваться по мелочам. Однако сейчас, доступная близость трех еще вполне свежих девиц мобилизовала мое мужество, и я принял стоику, приготовился и стал наблюдать, поджидая нужную минуту. События тем временем развивались быстро. Первая партия из трех человек, подталкивая девок впереди себя, набились в «комнату отдыха».

Комнаты отдыха, сколько жирных и влажных тел елозило в каждой из них в клубах пара и пивных испарений, в саунах больших и малых городов. Сколько пива, спермы и блевотины было пролито. Сколько стеклотары и использованных презервативов выгребалось уборщицами по утрам. Однажды, много лет спустя, иностранцы, посетив такую сауну с удивлением расспрашивали меня зачем в бане стоит широкая двуспальная кровать. Что я мог им ответить?

Первая и вторая партии потрахавшихся, выползли в общий зал, а девки, голышом плюхнулись в бассейн, демонстрируя свое право на законный отдых, ибо мужиков оставалось еще много. Масленица тихо возмущался, что Лось дал денег только на трех и их явно не хватало. Гремели бутылки, слышались возбужденные голоса спорящих за столом, в парах предбанника бродили пьяные менеджеры в простынях, орало Русское радио. В какой-то момент в общем угаре возникла передышка, пресыщенное руководство занялось обсуждением бизнес проблем, уже побывавшие в комнате отдыха занялись бильярдом, Толян напился и заснул, а я поймав момент, взял одну из проституток за руку и повел работать. Кровать была свободна, я опрокинулся навзничь увлекая девицу за собой.

– Подвинься! – услышал я вдруг, и кто-то уверенно сдвинул нас на край кровати и плюхнулся рядом. Окна в комнате были плотно зашторены, тусклая лампа почти не светила в мокром банном тумане. На соседней кушетке в полумраке мелькал чей-то голый зад. Рядом на кровати пыхтел неизвестный мне человек, проститутки неохотно постанывали, ритм задавал приглушенный полузакрытой дверью бумбокс в общем зале.

– Rum, sodomy and lash, – подумал я, – Свальный грех и кильки в томате, блин!

И еще,

– Вот она, новая жизнь....

Египетские полковники и 15 экскаваторов.

Выматывающее лето начало, наконец, отползать за горизонт. Закаты становились холоднее и контрастнее. Панельные зиккураты в микрорайонах отсекали солнечные лучи от дна улиц. Ниши, углы и арки заполнялись промозглой темнотой. Гипсовый аист посреди разбитого фонтана во дворе бывшего дома руководства железной дороги, не отбрасывал тени. Мы с Митей сидели на лавочке с бутылками пива в руках. Разговор шел о наших новых работах, моей, коммерческой и Митиной, коммерческо-преподавательской. Работах, о которых мы никогда не мечтали и не ожидали их появления.

—

Экспедиция, степь, как мне этого сейчас не хватает,— говорил Митя — Когда еще выдеремся?

—

Да хрен, куда выберешься с этой работой — отвечал я

— Слушай, поехали на следующей неделе к нам на дачу, у костра посидим... — предложил Митя

— Не могу, египтяне приезжают. Нужно готовиться, даже в выходные работаем.

Я вздохнул и замолчал, надвигавшиеся проблемы заставили задуматься. Незадолго до моего трудоустройства наша контора заключила контракт на поставку 15 экскаваторов военным в Египте. Ожидалась инспекция египтян перед отправкой. Никаких экскаваторов у нас не было.

Дело было так. Минобороны Египта объявило тендер на поставку 15 покрашенных в желтый цвет экскаваторов для нужд египетского стройбата. Конечно, купи египтяне экскаваторы от любого западного производителя, горя бы не знали, но и этой главы тоже не было бы. И моей позиции в конторе, кстати тоже. Но, египтяне по какой-то причине обратили внимание на экскаваторы российского производства. То ли это была привычка к советской технике, то ли откат от русских коммерсантов. Так или иначе, тендер состоялся. Как это часто бывает, результат был заранее известен и причастные потирали руки, но тут в дело вступил новый русский эффективный собственник. Сам директор экскаваторного завода прибыл на торги, подал предложение и скрестив руки на солидном животе, стал ждать победы.

В этом месте, следует пояснить, как все работало в те годы. Допустим, существует некое предприятие выпускающее те же экскаваторы. Предприятие выживает. Денег хватает только для того, чтобы как-то поддерживать выпуск, не очень думая о качестве, с рабочими рассчитываются материальными благами типа продуктов или предметов одежды, и только частично деньгами. В стране денег тоже нет. Чтобы как-то существовать все обменивают, то, что имеют, на то, за что можно получить хоть какой-то реальный кэш. В цепочке обменов, которая ведет к получению заветных бумажек всегда слишком много посредников. В такой ситуации экспортная поставка — это круто, так как иностранцы платят живые деньги. Но, твоей продукции, которую ты наменял по бартеру на пуховики, муку и сахар, в стране тоже навалом. Твои новенькие экскаваторы стоят на базах ловкачей из бартерных цепочек, и ждут своего часа. Более того, ловкачи, продают их дешевле, чем твой заводской отдел сбыта, ведь они не платят налоги и не несут серьезные накладные расходы. Заводы-производители почти ничего не могут продать за деньги, ибо в бартерной цепочке спекулянт всегда в выигрыше. Такая ситуация была почти во всех отраслях.

Итак, директор экскаваторного завода, вознамерившись получить денежный заказ, сидел перед тендерной комиссией. Конкуренты прятали улыбки. Конкурентами была московская фирма, с длинными корнями во внешнеэкономическом деле, которая, еще с советских времен, имела в Каире своего представителя, а тот, в свою очередь, знал всех нужных людей, имел к ним подходы и уже обо всем договорился. Кроме того, купить технику не на заводе не представлялось трудным делом. Завод-производитель в этой схеме был не нужен. Когда москвичей объявили победителями, директор побагровел, грохнул кулаком об стол и возопил:

— Хрен вы у меня хотя-бы один экскаватор получите!

Москвичи пожали плечами, а директор, прибыв в родную Тверь, и отдал приказ: экскаваторы красить только в красный цвет, а двигатель на них ставить устаревший с ручным пуском. Это было коварное решение. Директора знал тендерную спецификацию и понимал, что фирмачи, в своих кустарных условиях не смогут ни перекрасить экскаваторы, ни тем, более заменить двигатель на тот, который был оговорен условиями тендера. Директор наделся показать наглых узурпаторов и вдобавок запретил почти весь бартер на заводе. На вторичном рынке

экскаваторов покрашенных в желтый цвет, и оснащенных стартерным двигателем, создавалась напряженная обстановка.

Тем временем, москвичи получили предоплату и подписали контракт с нами. А мы, начали его исполнять. Я целыми днями переводил техническую документацию, а Упырь искал экскаваторы на вторичном рынке. Экскаваторов не было. Обиженный директор создал дефицит. Естественно, москвичам рапортовали, что все хорошо и дело идет. Сообщать о проблемах было нельзя. По крайней мере, на этапе, когда москвичи могли бы выйти из игры и обратиться к другим, на тот же тверской завод, например. Бодрыми стараниями Упыря москвичи все глубже втягивались в нашу сеть, они верили нашим отчетам и не особенно вдавались в ситуацию, занимаясь своими делами. Подходило время поставки и предварительной инспекции, времени что-то менять не оставалось уже ни у кого. На складе сиротливо стояли, уронив железные хоботы в гравий три экскаватора из пятнадцати. Мы ждали визита представителя московской фирмы и египтян.

Владимир Ильич прибыл на станцию ранним утром. Это был небольшой, ловкий человек с бородкой земского доктора. Всю свою жизнь Владимир Ильич проработал во внешней торговле. С советских времен, он отправлял трактора, самосвалы, турбины для электростанций и локомотивы, нуждающимся странам третьего мира. Будучи опытным торговцем и дипломатом, Владимир Ильич был направлен москвичами, проверить, все ли в порядке перед прилетом египетских инспекторов.

Встреченный Эполетом и Пуговицей, Ильич был взят под руки, весело посажен в машину и увезен в лес. Задача, поставленная перед водителями, была следующей: подготовить Ильича соответствующим образом перед дурными новостями. В лесу, в живописном месте, дымилась баня, а корпус санатория на фоне сосен, манил радостями бара. Летела паутина, с озера набегал приятный холодок, Ильич, был усажен на балкон и заботливо укрыт пледом. Далее, Эполет и Пуговица стали не менее заботливо вливать в рот Ильича водку, не забывая и о себе.

– Как тут хорошо! – восклицал Владимир Ильич – почти как в Карловых Варах осенью!

– Отдыхайте с дороги, Ильич, дело подождет – произносили водители – сироты.

– Уважаю вашего шефа, – восклицал Владимир Ильич – Есть вкус к хорошим местам!

– Еще водочки, – произносили сироты

– А! – вдруг прокричал Ильич от накатившего восторга и опьянения. Чайка сердито взлетела с понтонна.

Дело пошло. Сироты сразу предупредили гостя, что торопиться не нужно и сегодня уже точно ничего не решить, завтра пятница, ну а с понедельника можно приступать к работе.

– Да, – вдруг протрезвел инспектор – Египтяне уже во вторник будут здесь, как вообще дела?

– Да нормально все Ильич, экскаваторы в наличии, представим в лучшем виде, давай выпьем лучше!

– Давайте! – восклицал Ильич – Люблю вас, ребята!

В итоге, Эполет, Пуговица и Владимир Ильич, зависали на лесной базе три дня, готовясь к приезду важных гостей. Естественно, с утра до вечера они выпивали. На второй день к вечеру, к ним присоединилась местная бродячая собака. Четверо друзей в состоянии медитативной комы бродили по лесным тропинкам, стояли на понтоне и пили, закусывая одной палкой колбасы. Колбасу не резали, а кусали так, потом, давали откусить и собаке.

На третий день на базу прибыли Упырь и Посторонним В. Состоялся краткий обед, в ходе которого Владимир Ильич икал, Эполет и Пуговица развязно шутили, а Упырь коротко сказал:

– Владимир Ильич, экскаваторов нет, завтра подумаем что делать. От контракта ни в коем случае не отказываемся.

Ильич посмотрел взглядом человека, который уже понял, что был приглашен в красивый круиз на яхте не для приятного времяпровождения, а для того, чтобы помогать вычерпывать

из дырявого трюма воду, но ничего поделать уже нельзя и он в одной лодке с криворукими капитанами. В лодке, в которой мог и не плыть, если бы понял все раньше.

Сироты разлили водку и Посторонним В. радостно сказал:

– За наше успешное сотрудничество!

Все выпили, что ж было делать.

Вечером в холе городской гостиницы появилась троица. Высокий детина с крупным лицом бандита и невысокий крабообразный браток к кожанке и тренировочных штанах, в обнимку с интеллигентного вида мужичком подошли к стойки регистрации. Все трое оказывали друг другу знаки внимания, от граждан пахло алкоголем. Крабообразный вынул тугой рулон купюр.

– Так, моему другу из Москвы, лучший номер!

– Леш, да я заплачу, – заплетающимся языком запротестовал интеллигентный мужичок.

– Ильич, все нормально, мы оплачиваем, – выговорил крабообразный и картинно бросил деньги на стойку. Потом он развязно хлопнул мужичка по плечу, развернулся и бросил через плечо:

– Все Эполет, погнали! Ильич, завтра в восемь на работе!

Друзья зашагали на выход, а незнакомый, интеллигентного вида мужичок из Москвы еще долго пытался что-то рассказать администраторше. Та слушала, внутренне костеря болтливого пьяницу и стараясь смотреть на расстегнутую ширинку московского гостя.

Утром Эполет и Пуговица полулежали на диване у входа, отдыхая от задания в лесу. Дверь открылась, и в офис вошел помятый Владимир Ильич. Подволакивая ногу, он прошел сразу в комнату переговоров, не посмотрев в сторону водителей. Тут же встал и проследовал за ним Упырь. Посторонним В. вытянулся в своем стеклянном кабинете, вскочил, и энергично раздавая на ходу указания, тоже вбежал к Ильичу. Я остался на своем месте наблюдать. За закрытой дверью переговорной шла борьба. Через пять минут из комнаты выскочил Упырь.

– Есть бланки экскаваторного завода и пары поставщиков? Найди и нарисуй письма обещающие поставку!

И Упырь снова бросился в переговорную, как в парную. Через минуту он появился снова.

– Нашел? Отложи, пока отбой.

Далее появилась голова Посторонним В.

– Так, зайди. Возьми ручку и бумагу!

Я вошел в переговорную комнату. В помещении витал дух спора и взаимного недовольства. Ильич сидел, скрестив руки на груди. На его лице было выражения упрямства и обреченности.

– Если вы не можете осуществить поставку, почему не сообщали? Мы бы могли подключиться, – говорил Ильич.

– Владимир Ильич, да все уже на подходе! Вы же знаете ситуацию с заводом, – веско и с некоторой обидой говорил Упырь.

– Мы не можем срывать сроки! Что нам теперь делать!?! Вы нас подвели!

Хотите отказаться от контракта? Ну, что же, – Упырь повернулся ко мне – Так, пиши письмо. В связи с пересмотром заводом-изготовителем, производственных планов, приведших к форс-мажорной ситуации, а также учитывая рост цен.... Упырь диктовал письмо, стоя на тонком льду, но расчет был верен. Перед лицом потери денег, репутации и связей в Египте, Ильич и его контора должны были отступить и не разрывать с нами отношений, ведь на развитее других вариантов не было ни времени, ни средств.

– Подождите, пойду в директорат в Москву звонить – сдался Ильич.

– Вместе наберем! – бодро воскликнул Посторонним В., чувствуя перелом в переговорах.

Далее последовала геральдическая схватка с москвичами. Посторонним В. и Упырь уверенно рисовали москвичам картины составов с техникой, движущихся в нашу сторону, кля-

лись в преданности делу поставки экскаваторов в Египет, угрожали, что не смогут вернуть предоплату и снова обещали, что все будет хорошо. В какой-то момент спора Посторонним В. воскликнул:

– Ну, пожалуйста!

А Упырь добавил:

– Хотите, напишем гарантийное письмо?

Ильич вяло молчал. Потом ему дали трубку. Кисло выслушав голоса из Москвы, он спросил:

– Ну а с инспекторами-то что делать?

– Потребуется ваша помощь. Будьте на нашей стороне. Вопрос решаемый – уверенно сказал Упырь.

Весь оставшийся день посвятили подготовке. Расставили три экскаватора среди техники по разным углам склада. «Чтоб количество в глаза не бросалось» – сказал Упырь. Договорились с цехом о демонстрации. Менеджеры обзванивали фирмы в городе, пытаясь найти, у кого еще могут быть такие же экскаваторы, чтоб их можно было показать. Нашли пять в двух разных конторах. К счастью, в наш адрес отгрузили еще две штуки, так что набиралось уже десять машин. Ильич, видя бурную деятельность, немного успокоился, присел на диван и уже похатывал с водителями, вспоминая базу и собаку.

– А не так все и плохо, – подмигнул Упырь – Завтра важный день, но мы прорвемся!

Вечером встретили египтян в аэропорту. Два грузных полковника. Один покрупнее и постарше был начальником и с высоты своего положения шутил и вел себя свободно. Второй был поменьше ростом и поскромнее. Кроме того, на лбу у него было характерное пятно от частого прикладывания лба об пол во время молитвы. Ильич рассказал, что такое намоленное пятно считается модным признаком веры и что их часто специально натирают себе на лбу арабы, которые хотят казаться ревностными мусульманами. Вроде и мастера-косметологи специальные для этого имеются.

Египтян разместили без всяких приключений, оставили с ними Ильича, а сами разошлись по домам. Завтра предстоял трудный день.

Ночью прошел ранний осенний снег. К утру, машины и последнее тепло размазали его в слякоть. Низкое ватное небо напоминало о грядущей зиме. Упырь ждал, слегка барабанил пальцами по столу.

– Так, главное уверенность. Никаких сомнений. Мы их закружим, – говорил он.

Египтян встретили и усадили за стол. Посторонним В., излучая всю свою харизму, не давая инспекторам опомниться, стал говорить. Он говорил об истории компании, которая вот уже более 70 лет изготавливает лучшие образцы техники, он говорил о многолетнем опыте и сонме клиентов, мечтающих завладеть нашими экскаваторами, он говорил о возросшем качестве, отдельная часть речи была посвящена Министерству обороны России и тому, как Посторонним В. знает и уважает интересы военных. Специально по случаю на столе красовалось фото, на котором Посторонним В., обнимал какого-то генерала армии (генерал был отловлен Посторонним В. в ходе одной выставки и принужден к фотографированию). Египтяне, слегка ошарашено слушали. Черные глаза Посторонним В. сверкали.

Далее в дело вступил Ильич. Разговор принял более дипломатичный характер. Ильич перешел на ситуацию в Египте и дела в тамошних кругах близких к нашему вопросу. Полковники посетовали на недостаток финансирования.

– Но сейчас вы здесь. О недостатке финансирования можете не беспокоиться, – мягко возразил Ильич и со значением посмотрел на полковников.

Те не подали вида, но было заметно, что слова Ильича им понравились. Уловив этот момент, Посторонним В. заговорил о красотах нашей природы, и о том, что кроме всего прочего необходимо планировать и досуг, раз уж выбрались. Египтяне закивали и сообщили, что

сегодня первый раз видели снег. Тема инспекции с течением разговора становилась все менее значимой. Стороны благосклонно улыбались друг другу, демонстрируя чувство глубокого удовлетворения. Однако, нужно было менять направление и брать инициативу, а то гости могли подумать, что что-то не ладно.

– Итак, после чая мы готовы выезжать, – сказал Упырь, – Проведем осмотр техники.

Ехать предстояло в две разные точки. Именно там были найдены экскаваторы. Полковники, я и Упырь уселись в машину и двинулись в путь.

– А почему мы уезжаем от завода? – вдруг спросили египтяне.

– Переведи, едем на другую базу, у нас много предприятий в городе, – бросил Упырь.

– О! – с уважением закивали египтяне.

Упырь вывернул из потока на проспекте и направил автомобиль по плохо асфальтированной узкой дороге в промзону. Замелькали базы, заборы и красно-коричневые козловые краны, похожие на гигантских водомеров застывших над заржавленной поверхностью.

– Наша база, – уверенно заявил Упырь, – Переведи!

Египтяне вновь закивали. Начался бесконечный забор тракторного завода. Кое-где виднелись вышки охраны.

– Это тоже наш завод, – нагло продолжал Упырь, видимо решив, что чем больше ложь, тем вернее она подействует.

Египтяне только охали, а я переводил, удивляясь лихости шефа, а также думал, что скорее бы приехать, а то неизвестно, что еще будет объявлено нашей собственностью. Все же мне не нравилось обманывать иностранцев, слабо знавших местные реалии.

Однако найти «нашу» базу мы долго не могли, Упырь, будучи здесь впервые, заблудился и плутал между полузаброшенными цехами, пару раз пересекал узкоколейку и перекрикивался со сторожами, выглядывавшими из своих будок, под лай собак и отдаленный грохот сваебойной машины. Египтяне начали волноваться, более того, в их расспросах слышалось подозрение, хозяин явно не знал дороги на свой склад.

– Вот они! – воскликнул, наконец, Упырь. Из-за забора торчали три красные машины. Египтяне пришли в движение, выбрались из машины, но далее ступить не решались.

– Welcome! Come to me! – замахал рукой Упырь и первым двинулся к экскаваторам.

– Три, – прожестикуютировали египтяне, обойдя вокруг и записав что-то в книжечку – И это все?

– Сейчас еще два на другой базе покажем, тоже наша база, – успокоил Упырь. Я перевел, египтяне только покачали головами, и плюхнулись в машину. Упырь вел себя, как ни в чем не бывало. Деловито выкрутил руль, дал по газам, и зеленая машина с африканскими военными и двумя жуликами переместилась к другим воротам. Здесь нас не ждали. Леша Козел, как всегда договорился так, что нужным людям, то есть охранникам, приказ сверху не довели. Нас встретили двое амбалов с помповыми ружьями. Упырь начал тихо договариваться, а иностранцы смело двинулись через грязь к экскаваторам. Охранник взялся за ружье, другой рукой ослабляя цепь, на которой сидел огромный пес.

– Стой, – заорал Упырь – Тра-та-та, алес! И изобразил руками расстрел партизан в белорусской деревне, потом для убедительности еще провел ладонью по шее. Иностранцы замерли в испуге, я молча отвернулся.

– Переведи, – кричал Упырь, – Здесь все, пусть пишут, что надо и поехали!

Я почти запихал египтян в машину, и мы ретировались.

– Еще два, всего пять – с удовлетворением заявил Упырь, – Спроси, они довольны?

– Five excavators here, are you OK? – спросил я.

– ОК, – вежливо выдавили из себя египтяне.

Мы вернулись на свой завод, и пошли на склад. Склад представлял собой большую, огороженную сеткой площадку с массой разной строительной техники. Среди желтых бульдозе-

ров, грейдеров, скреперов и тракторов пятнами выделялись максимально заставленные другими машинами, экскаваторы.

– Наша площадка, – сказал я, – Отсюда мы отгружаем произведенную нами технику. Вот ваш экскаватор, вот второй.

– Только считать не надо, – заметил стоящий рядом Упырь.

– Одним словом, смотрите, – завершил я фразу.

Инспекторы записали что-то в книжечку. Тем временем мой начальник развернулся и уверенно пошел прочь, как-бы говоря, что инспекция проведена успешно и всем пора в офис. Инспектора нехотя поплелись за ним, обсуждая что-то недовольными и неуверенными головами. Потом старший заглянул в свой талмуд и спросил:

– А почему экскаваторы красные? По контракту должны быть желтые.

– А это тропическое исполнение, грунтовка такая, – нимало не смутившись, ответил Упырь – специально для вас, перед отправкой в желтый покрасим.

– Вот суки, все же доскребились, придется теперь перекрашивать, сколько денег уйдет, – проговорил он тихо уже только мне.

Рабочий день подходил к концу. Египтян ждал вечерний ужин и сауна. Следить за тем, чтобы вечер прошел незабываемо были назначены Эполет и Пуговица, а также Владимир Ильич, как посредник и дипломатическая единица. Назавтра была назначена проверка работоспособности техники.

Утром все собрались в цеху. Проблема заключалась в том, что по контракту экскаваторы должны были иметь двигатель со стартером, то есть заводиться из кабины ключом как обычные машины. Но обиженный директор завода дал приказ ставить старые двигатели, которые заводились от пускового устройства. Это был крайне устаревший способ, оператор машины должен был выйти из экскаватора, поднять шторку капота двигателя, присоединить карабин с веревкой к специальной прицепной петле и сильно дернуть. Если для отечественных пользователей такая схема не была чем то ужасным, то на экспорт, устаревший «пускач» конечно же не годился.

– Миша будет дергать, а мы заводим их за капот машины, чтоб не видели пускач, – решил Упырь.

Миша, промасленный заводом сморчок лет пятидесяти, в лоснящейся кепке и ватнике с готовностью держал в руках шнур пускового устройства. Появились полковники в компании большой свиты. Впереди шел Посторонним В., через Ильича, расписывая прекрасное качество техники и нас как надежного партнера в любых делах. Египтяне обошли вокруг, заглянули под капот, в кабину и в ковш. Младший потрогал зуб ковша, а старший сказал:

– Теперь просим вас завести машину.

– Нет проблем, – вступил Упырь, беря инспекторов под локоть, и заводя за могучий капот землеройца, – Миша, давай!

Пока Миша дергал, Упырь заливал уши инспекторам Упырь, отводя их из зоны видимости работ по запуску двигателя.

– Здесь будут нанесены данные и серийные обозначения, все на английском языке, как по контракту, – говорил Упырь – Равно как и вся техническая документация.

Миша, тем временем, на другой стороне безуспешно дергал шнур.

– Кроме того, как вы помните, по контракту в комплекте идут гидромолоты, так вот, мы решили поставить молоты большей мощности, специально для вас, – отвлекал внимание Упырь. Египтяне кивали, а Миша, скрытый капотом, все дергал шнур. Экскаватор заводиться не хотел. Упырь говорил, а инспекторы медленно двигались вокруг машины. Когда был сделан полный круг, перед их взглядами предстал маленький рабочий с сиротливо болтающимся шнурком, присоединенным к двигателю, двигатель молчал. Минуту египтяне просто смотрели, потом старший сказал:

– Когда 20 лет назад я учился в инженерной академии, на нашей технике стояли такие двигатели, уже тогда они были устаревшие.

– Итак, – продолжил второй, – Экскаваторов в нужном количестве нет, и более того, на них не те двигатели!

В этот момент Миша дернул пускатель еще раз, и в подтверждении слов египтянина, раздался грохот заведенного дизеля, и из выхлопной трубы вырвался черный дым.

– Хорошо работает! – провозгласил Упырь и вызывающе посмотрел на инспекторов.

Немая сцена продолжалась бесконечную мхатовскую паузу, потом египтяне возмущенно загалдели на своем языке, а Ильич отошел в сторону и закурил.

Надо ли говорить, что от таких экскаваторов инспекторы все же отказались. Никакие уговоры и обещания не сработали. Старший крупный полковник превратился в скалу и отвергал все предложения. Столь явное несоответствие между заявленным и фактическим не могла принять ни одна инспекция.

– Что ж, – произнес Упырь в итоге – Придется полностью выполнять контракт и менять двигатели. Посторонним В. кивнул.

Прошел очередной спор с москвичами, и после долгих уговоров и размахивания калькуляторами, контракт решили не расторгать, дело в том, что как раз в это время в стране произошел дефолт, валюта скакнула неимоверно, и наш долларовый контракт превратился в золотой, даже со всеми навалившимися расходами. Египтяне были отправлены восвояси. Они уехали довольные, ведь Ильич все же снабдил их обещанными конвертами, лояльность инспекторов была еще нужна. Дальше была эпопея с заменой двигателей, перекраской, повторной инспекцией и возвращением снятых ненужных двигателей обратно на завод, да много чего еще. К счастью, вся сделка со стороны Министерства Обороны Египта оказалось одной из неэффективных бюджетных трат, отправленные в Египет экскаваторы были никому не нужны и простояли на складе под консервацией и жарким африканским солнцем до конца гарантийного срока. К нам по их поводу уже никто не обращался. Может они и сейчас там стоят.

Предзимье

– Так, смотри, программа предоставляет редактор с необходимым количеством звуковых дорожек. Ты пишешь нужные инструменты на каждую дорожку отдельно, далее микшируешь, и вуаля, трек готов!

– То есть многодорожечная студия дома? То есть я пишу все сам, и никто больше не нужен? Только руки, инструменты и незначительное рабочее пространство? Только компьютер и несколько устройств? – я сидел зачарованный. Серегинс снова уткнулся в монитор, поводя мышкой. Он выглядел мудрецом и колдуном, а я только удивлялся, сколько возможностей предоставляет новый компьютерный век.

Я пришел к Серегинсу, через застывший в предзимье парк, в дни, когда природа замирает на несколько прозрачно тихих и теплых дней и балансирует на краю, чтобы потом сорваться в холод, метель и катастрофу.

Серегинс был серьезным усатым мужчиной двадцати с небольшим лет от роду. С детства он занимался фотоаппаратами, камерами, и всем что может запечатлеть наш бранный мир. С появлением компьютеров он естественным образом занялся и ими. Особенно в плане всего того, что касалось графики и музыки. Комната Серегинса представляла собой пространство, намертво заваленное кассетами, бабинами со старой пленкой, видео и аудио техникой, а также фотографическими приспособлениями. Стены украшали старые постеры, а на столе помещался компьютер – гордость и главный рабочий инструмент. Серегинс курил, отхлебывая из большой кружки растворимый кофе. Я устроился на кровати и думал, что наконец-то, с чисто технической точки зрения, моя жизнь приобретает смысл и понятные контуры.

Дело в том, что когда-то давно, я взялся и написал несколько песен. Это был юношеский порыв, через который проходит почти любой молодой человек, в своем стремлении быть кем-то значительным в новой взрослой жизни, и нравиться девочкам.

Кроме того, Джон Леннон однажды изрек:

– Любой дурак может писать песни, если захочет!

Конечно, я последовал его совету, тем более, что рок-музыка была для меня религией, Новым Язычеством (как метко определил ее один крупный поэт, к тому времени уже захороненный вместе с гитарой на одном из окраинных кладбищ), и я был рад служить этой вере своим творчеством. Натурально, взял и написал несколько песен. Среда, в которой я тогда обретался, с ее экспедиционной романтикой и пением у костра, приняла их на ура.

– Утих прибой, норд-вест ослаб, летит волна, я заяц-краб! – брэнчал я на гитаре и люди смеялись.

– Я шел сквозь лес и замку вышел, увитому веревками плющей, я дверь открыл и внутрь пробрался, внутри шел праздник овощей! – выкрикивал я в ритме блюза другой мой опус.

Каждый мужчина должен построить дом, посадить дерево и написать блюз на русском языке.

Невеликая аудитория радостно вздыхала. Хитом стала пародия на сиротскую песню, про погибшего дельфиненка. Делая текст на диване после уроков в школе, я применил, по сути, диалектический метод, набив слезливое песенное клише абсурдом до предела и превратив его в собственное отрицание. Вот что у меня получилось:

В океане средь лазурных волн
Там дельфины нежатся с пеленок
Там по морю танкер полный, полный нефти плыл
А ему на встречу дельфиненок
Там по морю танкер полный, полный нефти плыл
А ему на встречу дельфиненок

Глупый дельфиненок захотел
Посмотреть куда плывет машина
Он подплыл поближе и изрезан был винтом
Точно папой Карло Буратино
Он подплыл поближе и изрезан был винтом
Точно папой Карло Буратино

Все это увидел рулевой
И упал, слезами истекая
Опустил бессильно он штурвал
Танкер завертелся курс теряя
Опустил бессильно он штурвал
Танкер завертелся курс теряя

Трупик дельфиненка тихо плыл
Туда, где море рифы обнажает
И увидел из последних сил, сил
Как на рифах танкер нефть теряет
И увидел из последних сил, сил
Как на рифах танкер нефть теряет

Дельфиненок тихо закричал

Закричал, все зубы обнажая
Закричал кубылка хвостом
Мама помоги я умираю!
Закричал кубылка хвостом
Мама помоги я умираю!

Мать, почуяв пленку на воде
Приплыла, в мазуте бултыхаясь
И услышала последний стон, стон
Мамочка прощай, я задыхаюсь!
И услышала последний стон, стон
Мамочка прощай, я задыхаюсь!

Оттолкнув погибшего моржа
Из последних сил она рванулась
И уже потом на берегу
Перед смертью тихо улыбнулась
И уже потом на берегу
Перед смертью тихо улыбнулась

В океане средь лазурных волн
Там дельфины нежатся с пеленок
Рыбаки нашли на берегу
Мать а рядом сына дельфиненка

А потом они нашли еще
Много всякой живности погибшей
Океан был загрязнен на много-много миль
И дельфины всюду умирали!

Позже ихтиологи пришли
Численность дельфинов наверстали
Но какая польза рыбакам
Ведь всех друзей дельфинов потеряли....
Но какая польза рыбакам
Ведь всех друзей дельфинов потеряли....

Случилось все это в краткий промежуток между началом марта и школьным выпускным. Страна готовилась рухнуть в небытие. Неформальные поэты и музыканты, наполнившие культурное пространство за несколько предыдущих лет, уже отпели свои главные песни, Цой врезался в автобус и умер, Гребенщиков выпустил альбом в Америке, а Слава Бутусов вдруг стал скучнейшим мужчиной средних лет. Отцветшая контр – культура доживала последние беззаботные деньки, радуясь непонятно чему.

Что-то сверкнуло над нами....
Что-то сверкнуло....
Что-то сверкнуло, чему б, это быть?
С острым концом и двумя сторонами...
Что-то сверкнуло, и нет его – ыть!

Эти строки, прочел на излете Перестройки и Советского Союза похожий на солдата, поэт Туркин, перевернув мое сознание и навсегда определив эстетические предпочтения. Через два года он выпадет из окна и убьется насмерть. Также как Туркин, выпадет из уютного и серого советского пространства, и сильно покалечится весь мир вокруг. Мир конца восьмидесятых, с его поэтами и музыкантами, патлатыми хиппарями и металлистами в клепаных кожанках, брейкерами с геометрическими конструкциями из волос и блюющими на рок-концертах панками, а главное, с его неповторимой свободой и радостью быть не как все. Это мир уйдет и бросит меня одного с ненужными в новой реальности песнями и намертво засевшей мыслью о том, что я все же должен их донести. Куда, зачем? Это было трудно определить, тем не менее, я часто об этом думал, а еще о том, что с годами эти песни все больше напоминают тени юности, которая не возвратится.

Морозный шелест крон прибрежных тополей,
Оповестил промозглую природу,
И серый дым небес, и ледяную воду,
И отраженья, что дрожали в ней,
О приближенье войска холода и льда,
Под чьею поступью уже земля дрожала,
Их бацинетов рыл, их острых копий жала,
Казалось, не избежать никогда,
Никогда...

Мой дом стоял на берегу озера. Я любил наблюдать как в предзимье, еще зеленые тополя стояли в дымке холодного тумана у самой кромки воды, и отраженья дрожали как напоминания о чем-то таком, что забывать нельзя. Потихоньку, я подбирал новые гармонии на старой гитаре, записывал в тетрадь понравившиеся фразы и мечтал, чтобы что-то произошло. Так продолжалось многие годы, тетрадь и память заполнялась новыми словами, а я оставался на том же месте, с замерзшими тополями за стеклом и туманом вокруг.

Размышляя так, я сидел со старинным товарищем своим, Серегисом, с кофе и с сигаретами и с воспоминаниями, и с надеждой.

Теперь я точно знал, зачем мне ходить в офис. Я буду делать домашнюю студию!

– Ну что, брат Серегинс, – говорил я улыбаясь

– Да так, ничего, – отвечал он.

– Что-то вспомнил, Куйсак. Помнишь, как пацан в Бирсуате утонул? – вдруг сказал Серегинс

– Да, помню...

Это было в экспедиции. Мы с Серегинсом сидели на берегу степной речки Бирсуат. Речка имела вид малозаметного в камышах, извилистого ручья, с редкими окнами широкой и достаточно глубокой воды. В одном из таких мест местные колхозники расширили русло, намереваясь сделать пруд для мелиорации. Потом пруд не понадобился, но расширенное русло осталось. Более того в одном месте дно было резко выкопано, так, что образовало уступок под водой. Можно было сидеть по пояс в реке, свесив ноги в холодную яму на дне. Внешне резкий перепад глубины виден не был. Мы сидели и наблюдали, как отец и сын приехали из соседней деревни купаться. Они ополоснулись на мелководе. Мы встали и пошли к лагерю, отец вышел из реки, пацан лет семи, сидел в воде. Вдруг он подпрыгнул, оступись и резко ушел под воду. Несколько минут ничего не было понятно. Отец повернулся и поискал глазами сына. Вдруг

он охнул и прыгнул в воду. Через минуту вынырнул, потом нырнул опять, и наконец, с сыном на руках вскарабкался по высокому берегу к мотоциклу, положил тело в люльку и помчался в сторону колхоза. Все произошло мгновенно. Потом, местные сказали, что сын, все же умер.

Я вспомнил, еще одну смерть, месяц назад, на остановке лежал труп с накрытой платком головой. Рядом устало и безразлично курил врач скорой помощи. Сделать ничего было нельзя, помочь нельзя. Мужик вышел из дома недавно, домашние еще не знают, что сам он больше не вернется. Сердобольная бабка, несколько ожидающих маршрутку горожан. Я прохожу мимо. Отношение к мертвецу спокойное. Эпизод из только что прошедшего лета. Самого неподходящего для смерти времени.

Мы еще немного посидели с Серегинсом, в сигаретном дыму и дыму воспоминаний. Потом я вздохнул и сказал.

– Ладно, побегу домой, завтра с утра в офис...

Нам солнца не надо!

Офис издавал обычное свое гудение. Как двигатели самолета сливаются в надсадный шум, меняющийся в зависимости от направления ветра за бортом, так и офисный мирок менял тембры и густоту в течение дня. Ровный гул усиливался и спадал в зависимости от наличия руководства и времени суток. Утром, в первую пару часов, он нарастал, достигал пика и на какое-то время фиксировался в воздухе одинаковой трескотней звонков, бодрых голосов менеджеров, что-то врущих по телефону, мелкими смешками и разговорами у столов и в кабинетах. К обеду гул стихал, и только мягкие шаги Упыря шуршали от чайника к креслу. Вечером, особенно если это был вечер пятницы, к концу присутствия гул нарастал и гремел порой раскатами хохота и ударами ног о пол и мебель, менеджеры сбивались в кучу и травили байки в предвкушении выходных, и кто-нибудь всегда сидел на столе и слушал из-за спин. И только Посторонним В., в не зависимости от времени суток или дня недели, пробегая через офис, всегда создавал катастрофические турбулентные завихрения, все несущие конструкции и крылья скрипели, слышался грохот и крики гибнущих в авиакатастрофе, на разные лады менеджеры оправдывались или брали под козырек.

На этот раз ко мне подошел Лось. Вяло положил на стол бумаженцию.

– Вот, ознакомься, ты у нас самый молодой, так что, чтобы был!

Бумаженция требовала предоставить по одному менеджеру от каждого торгового дома завода для прохождения семинара. Дочитывать о чем семинар я не стал, но загрустил, ибо бумаженция была подписана лично Семеном Моисеевичем, передана мне Лосем, а значит, явка была обязательна. Что такое Семен Моисеевич, я уже неплохо представлял. Ведь что может произойти с человеком, если на него внезапно сваливается богатство и власть? Есть большая вероятность того, что он станет неадекватным диктатором и безумцем. А если он уже был таким? Проблемным и шальным, не раз выгоняемым из школ и институтов за самомнение и болезненное стремление действовать максимально шумно и наперекор установленному порядку. Вряд ли он изменится в сторону благоразумия.

Не изменился и Семен Моисеевич, более того, Семен Моисеевич окончательно обрел безграничное чувство собственного величия и помимо руководства заводом, начал издавать газету, в которой прославлял сам себя и свои идеи. Он их называл идеями лидерства. Вот несколько принципов, которые он декларировал и был близок к тому, чтобы издать их цитатником для заучивания сотрудниками наизусть: «Сначала стреляй, потом целься!», «Лидер не ждет, а знает!», «Хуй ли тут думать?!», ну и так далее. В газете собрались прихлебатели разного уровня мерзотности, а в его кабинете повесили картину следующего содержания: Семен Моисеевич в форме римского центуриона на лихом коне с копьем наперевес атакует вражеский бульдозер марки "Катерпилер". В жестокой конкурентной схватке побеждает сильнейший: автогрейдер с эмблемой Завода дорожных машин давит всмятку проклятого американца.

«Вроде бы невинный дружеский шарж, однако эпические размеры внушительного полотна, писанного маслом и одухотворенное азартом борьбы за правое дело и священные интересы отечественных производителей, лицо "полководца" (Цезарь! Александр Македонский! Наполеон!) говорит, что перед нами своего рода икона. Не удивлюсь, если еще при жизни ему поставят памятник» – писала газета Семена Моисеевича.

Новый лидер и гений раскатывал по заводу на черном «Вольво», разгоняя на обочины грязных работяг. Казалась, жизнь окончательно удалась, и впереди были только радость и успех.

«Оплодотворенная матка Урала готова произвести на свет нового мессию, на стыке двух культур и цивилизаций, там, где нет покоя, пишется Новейший завет. Лидеры – мужчины, преодолев молчаливое сопротивление России, вошли в ее животворящее лоно» – гласило одно из положений новой статьи в газете босса. Понятно, кто имелся в виду в статье, не понятно было, как такое вообще можно было писать, даже за деньги. Впрочем, за деньги приходилось делать разное, поэтому, я и еще несколько несчастных, безрадостно притащились на семинар, в пригородный санатории, где нас уже ждали пара лекторов-ведущих, несколько журналистов, пишущих про оплодотворенные матки Урала, и сам Семен Моисеевич.

Мы расселись на стульях и начали семинар. Вел его обретающийся у босса бочкообразный, стареющий, с лишаевидными покраснениями на лице, массовик-затейник Михалыч. Он говорил сипящим от отдышки, прокуренным голосом. Пару ему составляла женщина с вороньим лицом и менторским тоном завуча, прошедшего краткий курс обучения в малобюджетных иезуитских школах. Картину отлично дополнял крысиной мордочкой главный редактор газеты про лидеров – Козырецкий. Речи ведущих напомнили мне собрания комитета комсомола школы, как если бы этот комитет вдруг впал в странную, граничащую с помешательством ересь и тайно присоединился к секте Аум-Синрике. Я не пытался оценивать или разбираться в речах этой троицы, а просто сидел, за спиной у коллег, стараясь, чтобы на меня не обратили внимание.

Темой семинара был ПИАР (тогда я впервые услышал это слово), в применении к прославлению нового мессии. Было, кстати не понятно, зачем меня и еще парочку менеджеров – продавцов, затащили на это мероприятие, ведь наше дело было зарабатывать деньги для босса, а не лизать ему зад. Это было делом других. Так думал я, сидя на стуле в полутемном актовом зале санатория, тем временем накал дискуссии проходил в форме следующих лозунгов:

Лидер – он и в проруби лидер (Семен любил моржевание)!

Король тяжелого машиностроения Урала!

Нам солнца не надо! Моисеич нам светит!

Ну и так далее. Журналисты старательно придумывали новые лозунги, а король сидел с видом довольного кота и наблюдал за происходящим.

Далее свита начала всерьез обсуждать, верной ли дорогой идет "харизматический лидер" и насколько правильно свита делает "короля машиностроения"? В какой-то момент решили разыграть сценку, в которой условный лидер прорывается к новым успехам и символически разрывает ленточку победителя в эстафете.

– Просим вас самому разорвать ленточку, вы символизируете для нас лидера! – подобострастно возгласил Козырецкий, обращаясь к шефу. Я поежился от запредельного подхалимажа ситуации. Шеф, однако, с готовностью встал, сделал несколько физкультурных движений разминающегося атлета и отошел в конец зала, готовясь пробежать.

– Постойте! Снимите футболку, ведь говорят, что Сергей Моисеевич такой молодой, загорелый, с красивым мужским телом..., так будет правдоподобнее, – остановил его Козырецкий. Семен Моисеевич снял футболку, и картинно выпятив грудь, пробежал через спешно натянутую ленточку. Свита разразилась аплодисментами. «Однако!» – подумал я.

Потом еще долго о чем-то говорили. Пухлый Массовик сипел, Ворона каркала, Козырецкий морщил крысиную мордочку и расставлял стулья, журналисты создавали подбострастный фон. К счастью, все же наступил вечер, и босс, насладившись славой здесь, отъехал по делам, оставив семинаристов на ночь пьянствовать.

– Ладно, я поехал, ебать тут все равно не кого, – бросил Семен Моисеевич на прощанье Массовику.

Первый день семинара завершился, и я присоединился к компании журналистов в одной из комнаток санатория. На тумбочке появилась водка и все расселись на стулья и кровати. Мне случалось пить в разных компаниях, с археологами и бандитами, солдатами и прапорщиками-контрактниками, случалось пить с дальнобойщиками, проститутками, офицерами, с подающими надежды молодыми учеными, и с состоявшимися руководителями научных школ, с гопниками, бродягами, с девушками-любовницами, с одноклассниками и одноклассницами, бывшими учителями и их родственниками, и еще бог знает с кем, но единственный раз в жизни, попав в компанию пиарщиков и журналистов, я в омерзении сбежал после первого часа. Даже водка не помогла. Перед уходом я спросил Козырецкого:

- А вот в это все, вы, правда, верите?
- Дело не в вере, а в деньгах и возможностях!
- Но это же гебельсовщина какая-то...
- Лучшего комплимента ты не мог сказать, – ответил Козырецкий.

На следующее утро, не дожидаясь Семена Моисеевича и второй части семинара, я вышел из санатория и двинулся домой по лесной тропе.

– Пусть меня постигнут санкции, но участвовать в этом бреде я больше не собираюсь, – повторял я про себя для придания уверенности удаляясь от корпусов. Во мне боролись два чувства: страх перед начальством, и возмущение от чистого подхалимажа, в котором мне предложили поучаствовать в законный выходной.

– Ну уж нет, блять! – восклицал я мысленно, когда страх брал верх. Так я добрел до остановки в лесу, вскоре подошел автобус. Успокоившись, и почти забыв о семинаре, я поехал домой.

Никаких санкций не последовало. На следующий день Лось подвел ко мне небольшого мужика и сказал:

- Собирайся, вечером выезжаешь с машиной в Тверь!

Я посмотрел на Упыря, тот не выразил никакого протеста, а значит, нужно было ехать.

Оказалось, дальнобойщик, нанятый, чтобы отвезти снятые с египетских экскаваторов движки обратно на завод, заартачился ехать без охраны. Лось, со свойственной ему решительностью и умением решать проблемы очень быстро, привстал с кресла, оглядел через стекло своего кабинета зал, и выбрал меня на эту роль. Все остальные, по его мнению, были слишком нужны на работе. Я же, сидел за какими-то техническими бумажками и перекладывал их на непонятный язык, короче, был прямым кандидатом на то, чтобы прокатиться.

- Ну, так я домой? Шмотки хоть соберу? – спросил я.

– Да, давай, Пуговица тебя подбросит, через час будь у машины, – бросил Лось удаляясь в свой кабинет.

– Ты, это, если бомбить будут не ерепенься, – дал совет Пуговица – Отдавай деньги сразу, будешь целее.

Пуговица, много раз гонял машины и знал, что говорил. Еще до времени расцвета авто-салонов, дилеров и прочих цивилизованных способов обрести железного коня, машины было принято покупать в конторках вокруг заводов-производителей, а покупателей таких, соответственно, было модно грабить. Несмотря на то, что в основном новую машину без номеров просто забирали, а водителей часто просто убивали и закапывали в придорожных лесках, машины продолжали гонять как из Европы, так и из городов нашей страны. Однажды Пуговица

несколько часов ехал зажатый машинами бандитов по трассе, мочась на ходу в трехлитровую банку. Остановка означала смерть. Бандиты отстали, только когда Пуговица пересек границу их региона. Дальнобойщики также были законной добычей. Кто-то ездил с оружием, кто-то с охраной, но большинство, полагаясь на удачу неслись весь световой день, стараясь на останавливаться, и ночевали на охраняемых стоянках.

Мы выехали вечером в тот же день. Стоял уже теплый март, но специально в честь нашего выезда грянули заморозки, подул обжигающе холодный ветер, дорога покрылась наледью. Сразу же выяснилось, что печка в КАМАЗе не работает, и если в дороге тепло от двигателя хоть как-то согревало кабину, то остановившись на ночь, мы стали реально замерзать. Водитель загнал авто на малозаметный проселок в Уральских горах. С трассы нас не было видно и это обеспечивало некоторую безопасность. Мы устроились на широких лавках кабины КАМАЗа и попытались уснуть. Через полчаса мороз заставил водителя вскочить и пойти колдовать с печкой и мотором. Я не знаю, что он сделал, но после его манипуляций в кабине действительно стало теплее, правда, в кабину стали проникать выхлопные газы. Удовлетворенный ремонтом водитель спокойно уснул, а я выбрался из кабины и стал приплясывать вокруг, разогревая замерзшие органы и борясь с тошнотой от угарных газов. Лезть обратно в кабину не представлялось возможным, замерзать на улице тем более. Я огляделся и увидел между сосен огонек. Как заблудившийся герой русских сказок, я побрел через лес, по едва заметной тропинке и вышел к избе. Изба была жильем непонятно как, и зачем заброшенного сюда человека, которую в новое время переоборудовали под придорожный перевалочный пункт со столовой. Столовая, понятно не работала. Меня встретила сгорбленная бабка закутанная в шаль, черная кошка выглянула из-за печи, недовольно муркнула что-то на ведьминском языке, и метнулась под лавку, черный ворон внимательно посмотрел с темной гардины. Я поежился и спросил:

– Тут можно посидеть до утра?

– Сиди, – прошамкала бабка

– У вас может и чай есть?

– Все закрыто, – отозвалась бабка безучастно, потом сжавившись, сказала – Могу кипятка дать.

Обхватив замершими пальцами стакан, я смаковал кипяток, а потом, напившись, попытался заснуть на лавке. Заснуть, не получилось. Какое-то время я лежал, пытаюсь довольствоваться тем, что хотя бы тепло, потом, фары за окном прочертили на потолке желтые полосы, раздался шум тормозящей машины и грубые голоса.

Я выглянул в окно. У дома виднелся темный длинный силуэт иномарки со снятыми бамперами и несколько человек, явно направлявшихся к дому. Раздался громкий стук, бабка зашаркала к двери.

– Открывай! – слышались голоса. Тон и напористость гостей, не позволяли предположить, что на огонек заехала группа учителей младших классов с районной педагогической конференции.

– Ну вот, отлично, – думал я – Еще и на бандитов ночью в лес у нарвался.

Спрятаться было негде, бежать, тоже не куда.

Вдруг бабка высоким голосом прокричала:

– У нас закрыто, уезжайте, все равно ничего нет!

Стук раздался с новой силой.

– Э, ты че? Хочешь, чтобы дверь сломали? Открывай, бя!

– Да ладно, Михей, че ты! – пытался утешать кто-то за дверью.

– Да че ты? Эй бя, есть живые – и снова стук.

Бабка не двигалась. Дверь была из крепких досок. Кто-то подошел к окну и тень головы просканировала комнату.

– Слышь, Михай, да нахуй нам тут делать, поехали до Кусы доедем – предложили за дверью.

Бандиты еще немного поспорили и видимо решили ехать в другое место.

– Пока, сука! – кто-то зло пнул дверь, раздался хлопок заведенного двигателя, рев колес, а потом наступила тишина.

– Ну слава богу, – подумал я. Лежать уже совершенно не хотелось. Вскоре в окошке забрезжил слабый свет. Я попрощался с бабкой и пошел к машине. Выспавшийся и бодрый водитель прыгал вокруг, готовясь к продолжению поездки.

– Никто ночью не подъезжал? – спросил я

– Не, а ты че, где был то?

– Да тут, недалеко.

– А, ну ладно, рванем, пока бандиты на трассе не проснулись, надо через горы до рассвета проскочить!

Дивясь, как водитель вообще не задохнулся за ночь в машине, я сел на место штурмана и стал смотреть вперед на кружащую серпантином по горам дорогу.

Наш путь лежал по разбитой, но уже кое-где восстановленной трассе, через городки и деревни с покосившимися заборами, покрашенными в новые цвета, через страну, медленно отходящую от зимы, холода и последнего десятилетия двадцатого века.

Приехав на завод в Тверь, я наблюдал за приемкой двигателей, в тайне снятых нами с экскаваторов по велению египтян. Кладовщица, озадаченно почесала ручкой голову в платке:

– Ничего не понимаю! У меня двигатели с такими же номерами по складу полгода назад проходили! Это очень странно!

Я пожал плечами, мол, ничего не знаю, и я всего лишь сопровождающий. Кладовщица подумала еще минуту, потом видимо решив, что ее дело маленькое махнула рукой водителю погрузчика и начала принимать двигатели на склад. Разгрузившись и покинув завод, мы поставили в КАМАЗ экскаватор, полученный за те же злополучные двигатели по бартеру, и вернулись домой.

Дома ждало новое задание.

– Так, – энергично заявил Упырь – ты же заключал договор с белорусами на поставку коммунальных тракторов? Так поезжай в Омск и купи. Аккредитив выставили, нужно срочно исполнять!

Ну что же, поездки мне нравились, я заказал билеты, и уже вечером сидел в поезде, который утром домчал меня до сибирского города. Омск встретил весенней неустроенностью и солнцем. Ближайшую неделю я буду свободным от офиса человеком. Я шел по центральной улице и прикидывал, как распределить командировочные. Первым делом я спустился в полуподвальный кабачок. В этот час, сделанный в стиле старого порохового склада, кабак был пуст. Скусающий официант вяло подошел.

– Так, борщ, бифсроганов и водки двести грамм, – выбрал я.

Правила обычной жизни в командировке не действовали. Можно было пить с утра, в самый разгар рабочего дня валяться на кровати в гостинице и злоупотреблять нездоровыми привычками, которые дома обычно стараешься подавлять.

После ресторана я стал звонить на завод. Трубку долго не брали, потом бесцветным тоном мне сказали прийти в офис и все обсудить.

Я подъехал к главной проходной гигантского предприятия. Когда-то здесь делались танки. Потом завод прошел конверсионные передрыги, выпуск танков сошел на нет, а завод превратился в огромный полузаброшенный город. В этом городе водились призраки бывших комиссаров военной приемки, по ночам завывали и угрожающе двигались в темноте пустых цехов зуборезные монстры-станки, списанные, но не вывезенные в металлолом, и только в некоторых помещениях и административных зданиях, теплилась жизнь и производство. Я про-

шел через вертушку по пропуску, который долго согласовывала по телефону средних лет дама с химической завивкой в мышиного цвета волосах, и вступил в заброшенный лабиринт, в царство железо – бетонных строений, площадок с ржавым оборудованием и колючей проволоки. Иногда на встречу попадались грязные и бесцветные работяги, в мою сторону они не смотрели. Иногда, через открытые ворота виднелись всполохи электросварки, и тусклые лампы которые словно огни святого Эльма, освящали замасленное болото цеха. Я шел уже минут двадцать, однако, «корпуса с евро-окнами на четвертом» – так был описан мне отдел сбыта, найти не мог. Внезапно из-за поворота со страшным скрежетом выехал танк. Старый Т-62 проехал мимо меня, поднял на развороте столб пыли и по железным плитам въехал в ремонтный цех. Я вошел внутрь, из танка вылез маленький человек в промасленном военном кителе без знаков отличия, и заорал, что мне сюда нельзя.

– Где сбыт? – спросил я

Человек замахал в сторону серых крыш, торчащих из-за цеха, и я ретировался.

Следует сказать, что вместо выпуска танков один из цехов наладил выпуск коммунальных тракторов, за которыми я и приехал. Подходя к отделу сбыта, я с удовольствием увидел ряды новеньких тракторов на их коммерческой площадке и решил, что проблем не будет.

– А, привет, заходи, – по-свойски встретил меня кудрявый мужик в костюме.

– Здравствуйте, Сан Саныч, – также по-свойски ответил я. Сан Саныч был моим заочным телефонным знакомцем.

– Ну что, а тракторов у меня нет, – с порога заявил Сан Саныч.

– Не понял, а на стоянке что?

– Трактора, но генеральный в Москве, коммерческий снят, а пока нового не назначили, прайс-лист некому подписать. Извини, ничем помочь не могу. Ты же понимаешь, мы оборонная структура, у нас все сложно.

Я подумал, что сбытовик набивает цену и начал уговаривать:

– Сан Саныч, ну выручай, у меня сроки! Ты же нас знаешь, мы же нормально всегда работали!

К моему удивлению, всегда готовый продать все что угодно сбытовик, был непреклонен.

– Как только подпишут прайс-лист на этот месяц – приходи, пока никак. Я же даже цену не знаю!

Я еще некоторое время уговаривал Саныча, потом понял, что это бесполезно, встал и пошел звонить в контору.

– Ну, на вторичном рынке поищи, – раздраженно посоветовал Упырь – Их же до хрена всегда было.

– Конечно, думаю, решу вопрос в ближайшее время, – отрапортовал я начальству.

Далее началась засада. Оказывается, на заводе коммерческий директор был снят уже месяц как, а генеральный решал в Москве вопросы мирового масштаба и снизить до снабжения сбытовиков официальным прайсом не мог. В городе тракторов не было. Единственный обмылок былого изобилия стоял во дворе местного энергосбыта. Строгий юноша в очках и при галстукe долго оформлял мне договор, согласовывал с начальством вексель и явно затягивал дело. По его движениям я понял, что такими достаточно крупными суммами денег он работал впервые и меня опасался. Наконец, трактор оказался в моей власти, я отогнал его на стоянку рядом с гостиницей и начал охоту за остальными. Дичи не было от слова совсем. На вопрос о тракторах продавцы скучнели и быстро сливались в небытие. Мне пришлось остаться в Омске еще на неделю. Правила обычной жизни в командировке не действовали, а вот командировочные кончались. К концу второй недели я запросил денег из центра. Упырь передал через проводницу конверт. Я вскрыл его прямо на перроне и быстро отвернулся, в конверт помимо денег был вложен лист формата А3 на котором заботливый Пуговица, в виде приветствия

с Родины, запечатлел огромный летающий член с крыльями. Быстрым движением я скомкал лист и бросил в урну. Кажется, на перроне никто не обратил внимания на эти художества.

Между тем, вторая, а потом и третья неделя проходили впустую, сроки поджимали и с Родины доходили сначала озабоченные вопросы, потом жесткие требования, потом увещевания и наконец, истерики в связи с отсутствием тракторов. Так, как будто, это я не отпускал их с завода и создал всю эту ситуацию. Такой подход вообще был основным в нашей компании – виноват всегда ты, объективных причин не бывает, а за деньги и дурак купит, ну и прочие лозунги, выращенные в мыслительных центрах Семена Моисеевича и Ко.

Наконец, когда я уже отчаялся добиться чего-либо и собирался с позором возвращаться домой, мне сообщили, что прайс подписан и сбыт начал отпускать технику. Из Центра в Омск был направлен Серега Бочерян. Он привез векселя и радостный сумбур. Встретившись на вокзале, мы тут же двинулись в ресторан. Я чувствовал облегчение, за час до этого Сан Саныч подтвердил, что договор подпишет завтра в обмен на векселя, и что завтра же я смогу получить трактора.

Правда, ситуация осложнялась тем, что следующим днем была предпраздничная пятница, а за ней десять дней майских каникул. Тем не менее Упырь направил пять авто с прицепами и сказал, чтобы без отгруженных машин я в городе не появлялся. Да я и сам понимал, что не отправка завтра была смерти подобна. Тем не менее, завтра – это завтра, но сегодня ничто не останавливало двух мужчин приятной наружности, встретившихся в другом городе, зайти на рюмку чая в одно из мест. Мы просидели в ресторане на центральной улице весь день до вечера. Много раз мы повторяли «еще по двести и пива», а потом заказывали еще. Боча рассказывал свои бесконечные истории, а меня посетило вдохновение, и я продекламировал ресторанный поэму в стихах:

Пива еще, водки еще!

Пива еще, водки еще!

Водки еще, пива еще!

Пива еще, пива и счет!

Потом, шатаясь, мы очутились на вокзале, долго обнимались и наконец, я усадил его в поезд, а сам пошел к такси, прикидывая, что завтра, наверное, умру.

Наступило утро. Я с трудом разлепил веки, перед глазами плавал белесый туман, а в организме росло ощущение отрицания жизни как таковой. Кое-как я встал, сердце внутри совершило несколько беспорядочных прыжков, словно на батуте, а остальные органы затряслись в негодовании. Я залпом выпил остатки газировки из пластиковой бутылки, вышел в коридор к автомату и начал звонить на завод. Надо сказать, что мобильный телефон тогда был еще очень редкой роскошью, так что для связи по делу приходилось использовать городские автоматы. Между тем, дел предстояло очень много.

Во-первых, я помчался в банк – сдать на проверку вексель. Без этого Саныч его не принимал. В банке сказали, что сделают все до двенадцати ноль – ноль. Ок, было десять. Я схватил таксиста- частника и поехал на завод. На заводе в сбыте царила предпраздничная расслабленная атмосфера.

– Да не спеши, – успокоил Сан Саныч – Прайс еще не подписали, может и не будет сегодня ничего.

Я только охнул.

– Как, Сан Саныч, ну сделай что-нибудь, я же векселя уже сдал и машины пригнал!

– Ладно, – снизошел он – Илья, давай договор пока сделаем, а к обеду может, подпишут прайс.

Два часа я просидел на заводе, борясь с приступами похмелья. К двенадцати я снова был в банке, забрал подтвержденные векселя и побежал на завод. Каждый раз от проходной приходилось идти до здания сбыта минут сорок. Я наматывал километры и думал, что если

упаду и не встану, то вряд ли меня быстро найдут в этом полузаброшенном музее советской оборонной промышленности.

В сбыте сказали, что прайс пока не подписан, но договор готов и согласован, только цену осталось вставить. Уже лучше. Я позвонил в контору.

– Машины на въезде в город, – сказал Упырь – Встречай!

Я побежал к проходной, срезая через цеха и подныривая под эстакады.

– Можешь не спешить, – крикнул вслед Сан Саныч – Сегодня короткий день, погрузить все равно не успеем! Два часа дня. Проголосовав на проспекте, я дал задание водителю ехать на въезд в город, а сам подумал, что, наверное, нужно выпить грамм сто, иначе – кирдык. Однако, не выпил. Из пяти машин, меня ожидали только три. Как сообщили, еще две остановились пообедать недалеко от города водители.

– Как, блядь!? Вызывайте их по рации! Пусть сами едут к заводу! Быстро!

Я запрыгнул обратно в такси. В зеркалах заднего вида моя колонна медленно выкруливалась по направлению к заводу. Три часа. Я опять в сбыте. Прайс подписан, но Саныч отказывается грузить. Я почти стою на коленях. Наконец, Саныч (ну до чего прекрасный мужик) дает распоряжение:

– Так Илья, Петрович, дуйте на погрузку, отпустите ему трактора, за сверхурочные будет должен!

Три сорок пять. Мы с машинами на складе. Рабочий день крановщика закончился, и он ушел. Вся команда, водители, стропальщики, менеджеры, стоит перед тракторами в задумчивости.

– Мужики, – обращаюсь я – Обратного пути нет, позади Москва! Как хотите – но грузите! За Родину, за Победу! С меня причитается! Не обижу перед праздниками!

Один из стропальщиков признается, что имеет корочки крановщика, и нехотя лезет в кран, заводит, начинаются манипуляции с погрузкой.

Слава богу!

Четыре пятнадцать.

Время подумать о тракторе, что был куплен в Энергосбыте, и сейчас стоит на стоянке в городе и тоже ждет погрузки. Я снова бегу через громадный завод, вспоминая на ходу, что видел перед заводом базу, где мне могут помочь.

Главный инженер базы вальяжно заявляет:

– Заплатишь мужикам – грузи, но я уезжаю через десять минут.

Пять часов. Меня еле пропускают на закрывшийся завод. Снова путь рысью через промзону. На складе в ряд стоят загруженные машины. Водители получают последние документы. Дело сделано! Почти. Я отпускаю всех кроме одной машины и стропальщика-погрузчика. Договоренность с ним уже есть. Мы снова пересекаем завод, едем на стоянку в городе, заводим трактор и без сигналов и фар, проезжаем колонной по главному проспекту. Я наготове откупаться от гаишников. К счастью наша кавалькада не привлекает внимание властей.

Вот мы на базе. Инженер давно ушел. Сидящие сторожа про погрузку ничего не знают. Еще полчаса уговоров и посулов. Наконец нам позволяют въехать. Эстакада заставлена легко-вушками, но отступить я не намерен.

– Так, взялись!

Мы руками отодвигаем машины и грузим трактор. Все! Я раздаю помогавшим мужикам деньги на водку, время шесть пятьдесят. Через два часа поезд домой. Я звоню в контору, сообщить радостную новость Упырю.

– Так, Михаил Игоревич уже ушел давно, – сообщает секретарша – Праздники же, все разъехались!

В голосе секретарши спокойствие и безразличие к трудовым подвигам. Я вешаю трубку на рычаг.

– Ну и хрен с вами, – думаю – Зато еще пива успею до поезда попить!

Новое время

К лету, наступивший Миллениум начал приносить плоды. Сначала, ветры перемен, налетев со стороны бывшего губернатора области, зло сорвали Семена Моисеевича с насиженного места. Разразилась короткая шестидневная война, по результатам которой, последний был вычищен с завода, а на самом заводе введена процедура внешнего управления. Отчасти, произошло это по субъективным причинам, из-за безбашенности Семена Моисеевича и его веры в собственное величие, которое не подразумевало правильного оформления собственности, жесткой экономической безопасности и разумной политики по отношению к другим сильным мира сего. Но главное было то, что новое время растущего порядка и вертикали, требовало новых капитанов, выбрасывая на берег задыхающихся хищников и ловцов удачи в мутной воде девяностых. Такой, уже отменявшей свою игру и больше ненужной в расцвете сил рыбной, стал и Семен Моисеевич. Он еще немного потрепыхался на глазах у любопытствующих инспекторов рыбоохраны, да так и зачах в иле высохшего русла, когда-то полноводной реки. Параллельно со свержением «Короля тяжелого машиностроения» начался и разгон «учреждений» из заводских фирм-прилипал. Новая администрация перекрывала кислород всем друзьям товарищам бывшего хозяина завода, а значит, Постороннего В. и всех нас ждала незавидная судьба, и нужно было что-то делать.

Незадолго до этих перемен в офисе появился новый сотрудник. Она была стройная и черноглазая, с красивым и немного порочным лицом. Очередной персонаж, вошедший в наши пенаты по чьей-то протекции. «Соска!» – зло охарактеризовал ее Масленица (всех дам, не ответивших ему взаимностью после первого подхода, Масленица не жаловал). Инесса, так ее звали, начала по заданию руководства обзванивать торгпредства, пытаясь очаровать чиновников внешнеэкономического дела и залетных бизнесменов из стран третьего мира, которых те периодически предлагали, и однажды привезла на завод двух арабов из Ирака.

Вообще, мы с Упырем уже давно заметили, что в Ираке нарастала активность, в том числе в сфере закупок техники и оборудования. Это было связано с тем, что Ираку, бывшему под санкциями, позволили, наконец, торговать собственной нефтью для обеспечения нужд населения. Сначала на нефтедоллары разрешили покупать продукты и лекарства, а позднее уже все необходимое в государстве, ведь кроме нефти Ирак ничего не производил. Упырь, даже планировал туда ехать, но Магомеды нас опередили и сами пришли к нашей бутафорской горе. Инесса действовал героически, во время одного из приемов в Посольстве Ирака, она грудью пошла вперед, сумела очаровать восточных мужчин и затащить их на наш завод. Мужчины были толстые и важные. Старшего звали хаджи Мохаммад, он был главой крупного клана, кажется троюродным племянником Саддами Хусейна (по крайней мере, он так сам говорил) владел обширными финиковыми плантациями на Евфрате и прочными связями в иракских правящих кругах. С ним приехал также некто доктор Хуссейн, проницательный эквилибрист разнообразных подковерных делишек в иракских министерствах и ведомствах. Доктор Хуссейн имел русскую жену Таню, научную степень, полученную в Алма-Ате еще при Союзе и вызывающий зависть талант дельца.

Указанные господа осмотрели завод, полюбовались демонстрацией техники и размерено пообедали в лучшем ресторане города. За обедом, Хуссейн спросил:

– А это что?

– Хрен.

– Убили кого-то, да? – пошутил он и мелко рассмеялся.

После чая, господа пошушукались на арабском, и Хуссейн объявил:

– Мы можем делать вам контракт! Будем работать нормально!

На удивление, через пару дней арабы действительно сбросили пакет тендерных документов и запросили коммерческие предложения на нашу технику.

Месяц после их визита прошел в бесконечных правках документов, брошюр и прайсов, а Посторонним В. благодаря иракским визитерам, наладил отношения с новыми хозяевами завода, наобещав им, что многомиллионные контракты с Ираком уже на подходе.

В один из понедельников раздался звонок, через вой спутниковых помех, с другой части глобуса Хуссейн перекрикивая шум, вызывал нас в Багдад, для подписания бумаг в министерстве.

– Срочно заказывай билеты! – распорядился Упырь – Нужно брать быка за рога!

Я созвонился, с кем следует, и разузнал следующие подробности. Оказывается, благодаря санкциям цивилизованных стран, авиа-перевозки в Ирак были отменены, собственный воздушный флот страны догнивал на земле и добраться до Багдада возможно было прилетев в Иорданию и там, оседлав такси, ехать 950 км до места через пустыню. Услышав про поездку через пустыню, Упырь задумался, а потом сказал:

– Слушай, не думаю, что я там пока нужен. Это же пристрелочный визит. Съездишь один. Назовем тебя заместителем начальника по ВЭД, ты же разведчик, вот и разведаете обстановку.

Трусость шефа перед необычной поездкой меня немного удивила, ведь в любой другой ситуации, когда пахло деньгами, он проявлял исключительно наглость, цинизм, отвагу и неизменно учил меня отбрасывать интеллигентские предрассудки и рубить бабло. Впрочем, эта трусость приподняла меня на ступеньку выше в конторской иерархии. Приказ о назначении замом, правда, пока без повышения зарплаты, оформили в тот же день, и я собрался в дорогу.

Долетев до Москвы, а потом и до столицы Иордании (благо, визы в Иорданию выдавали прямо на границе), я был пересажен в такси, и мы двинулись в путь. Мы мчались по современной автостраде. Опасения Упыря путешествовать по пустыне оказались напрасными. Окружающие ландшафты не выглядели враждебными. То и дело мелькали заправки, придорожные магазинчики, стоянки и небольшие деревни. Пустыня, желто-серая в основании, была пересыпана черными, вулканическими булыжниками, так, как будто кто-то при помощи граблей, ровным слоем, распределил их по песку. На холмах паслись козы, выгрызая что-то между валунов. Подростки поднимали пыль на импровизированных футбольных полях у деревенских школ. У водителя в магнитоле брэнчала бесконечная и одинаковая как пустыня, арабская поп-музыка. Я лежал на заднем сиденье и думал, что вряд ли кто-либо из моих друзей-товарищей, вот так вот находится сейчас в месте, в котором даже не представлял побывать, лежит себе и плюет в потолок. Вдруг, раздался удар, и машина резко съехала на обочину.

Я выскочил, оказывается, мой таксист сбил барана на приличной скорости. Кусок мяса и клок шерсти убитой твари намертво завернулся вокруг буксировочного крюка под бампером. Водитель поковырял его палкой, затем попытался содрать подошвой тапка, а потом плюнул и воскликнул:

– Йелла! То есть, давай, поехали!

В таком людоедском виде прибыли мы на пункт таможенного осмотра. Водитель-убийца долго объяснялся с таможенником, размахивая руками и показывая на меня. Потом нас отпустили, все формальности были пройдены и уже без приключений мы добрались до Багдада. На улице стемнело, когда мы въехали в город и по лабиринту улиц добрались до отеля Аль-Рашид, где каждый постоялец мог попать ногами изображение Д.Буша старшего на входе. Портрет президента США с искаженной, отвратительной мордой, был изображен в мозаичной форме на полу у дверей. Я прошел по физиономии президента в холл, оформил пребывание и поднялся в номер. На сегодня никаких дел не намечалось, мне сказали отдыхать и никуда не выходить вечером. Ну что ж, я раскрыл тяжелые портьеры и с высоты одиннадцатого этажа обозрел окрестности. За окном расстился Багдад и черная тропическая ночь.

Собственно, Багдад, к сожалению, не имел ничего общего со сказочными представлениями о нем. На огромной территории элементы городского пейзажа (многоэтажные дома, отели, магазины, культурные заведения) были разбросаны небольшими островками, окруженными

бесконечным частным сектором. Багдад – единственное место (из посещенных мною) где просто негде было гулять, ибо через несколько минут ты неизбежно попадал на унылую улицу с бетонными заборами по обеим сторонам. Застройка: 70% частный сектор, 20% улочки из двух, трех этажных домов, 10% дворцы Саддама за высокими заборами, памятники и стелы с изображением Саддама, отели и мосты через Тигр. Следов английских колонизаторов почти не осталось. Несколько вилл в довольно захудалом состоянии да старое кладбище английских солдат.

Одним из факторов, который также заставлял задуматься, куда и зачем я приехал, был кровавый диктатор и враг всего прогрессивного человечества Саддам Хуссейн. В стране действительно был тоталитаризм. Памятники и стелы с изображением Саддама в разных видах и костюмах стояли через квартал, по телевидению транслировались бесконечные песни о Саддаме (всегда различишь знакомое имя в арабской речи), песни перемежались репортажами в стиле «Саддам посетил собрание женских комитетов», «Саддам на трубном заводе», «Саддам и дети». Все с кем приходилось общаться о «нем» говорили с опаской и без одобрения. Все ждали перемен. Как водиться, желания материализуются.

Однажды, уже по приезду домой, доцент Персиков спросил меня, как там живут простые иракцы под гнетом диктатуры Хуссейна.

– Вы знаете, – ответил я искренне – Неплохо живут, все сыты и работают, вообще никакого страха и несвободы на улицах не заметил. В стране обычная жизнь, все спокойно, никто никого не притесняет, а «он» просто где-то наверху.

Персиков посмотрел с укором и произнес:

– Так вот это и есть описание типичного тоталитарного общества.

Первая ночь в Багдаде прошла спокойно. Утром я сидел в огромном холе отеля на роскошных кожаных диванах и ждал своих иракцев. По холлу размеренно бродили гости, пробегали служащие в белоснежных рубашках, катались тележки с багажом вновь прибывших, а за моей спиной глава Калмыкии Кирсан Илюмжинов давал интервью какому-то местному каналу. До меня донеслось:

– А еще мы решили устроить шахматный турнир между департаментами!

Российские официальные и полу – официальные лица в то время любили заглянуть к Саддаму на предмет того, каким сотрудничеством можно поживиться.

Я перестал прислушиваться к словам шахматиста-губернатора, и посмотрел на часы. Назначенное время давно прошло, но никто не появлялся. Я еще не знал, что в Ираке никто и никогда не приходит во время, особенно, если договорился по важному делу.

Наконец, у входа появилась полная фигура и помахала мне рукой. Это был доктор Хуссейн. Мы сели в белую Тойоту и выехали с территории отеля. Почти сразу замелькали металлические конструкции арки моста, мы пересекли реку Тигр и въехали на одну из улиц. В первых этажах невысоких зданий располагались лавочки и магазины, их владельцы поливали несколько квадратных метров асфальта перед своими заведениями водой из шлангов для свежести и чистоты, за пределами политых зон валялся мусор. Уличные мальчишки-торговцы катили плоские тележки, со свежей рыбой лежащей на кусках льда, и тащили переносные холодильники с водой и колой, редкие пешеходы, стараясь попасть в тень, спешили по делам. На термометре в машине было плюс сорок девять.

Некоторое время мы двигались в плотном потоке, потом свернули на автостраду и город неожиданно кончился, по обочинам росли лишь пыльные пальмы и валялся мусор. Через несколько минут, из-за рощи акаций показались две циклопические руки, растущие прямо из хорошо асфальтированной площади. Руки держали гигантские сабли и образовывали огромную арку, под которой мог бы пройти развернутый полк. Я узнал это место, здесь проводил свои парады Саддам Хуссейн. Потом мы долго ехали по поднятой над землей автостраде с туманным и пыльным Багдадом по сторонам. В душном мареве город был похож на груду обмотанных

серой рогожей кубиков, призм и параллелепипедов, сваленных в кучу детсадовцами, которых увели на усталый сончас, а потом и он закончился. Долго мелькали серо-зеленые кусты у обочин, песок и пыль, пыль, и солнце на бледном небе.

Наконец мы въехали в район подконтрольный министерству, «организация», так назвал его доктор Хуссейн. Остановившись у малоприметной будки, похожей на КПП военного городка, мы вышли из машины и в группке таких же визитеров, обошли шлагбаум и попали внутрь. Внутри будка была похожа на нью-йоркскую товарно-сырьевую биржу, так как если бы кто-то вдруг решил бы перенести ее в деревянное помещение станции Нахапетовка, а саму станцию перенести в пустыню. Комната была заполнена галдящими делового вида подлецами. В воздухе висело напряжение как в очереди за дефицитом, который вот-вот начнут выдавать. Стены были обклеены бумагами и объявлениями о результатах тендеров и готовящихся торгах. Торговцы, перекрикиваясь между собой, то и дело посматривали на секретаря, который сидел за стойкой и нехотя вызывал из толпы нужных посетителей. Хуссейн был здесь своим. Как рыба, выпущенная из садка в пруд он ловко проманеврировал к секретарю между толстых спин посетителей, на ходу здороваясь, смеясь и огрызаясь, сунул тому в руку бумажку и что-то прошептал на ухо. Почти сразу нас вызвали. Под недовольный гул мы вошли за стойку и сели ждать в специальной комнате приемов. Хуссейн объяснил, что в само министерство никого не пускают, а общение идет вот так, в комнате встреч. Комната была обшарпана, как впрочем, и все вокруг. Диван и несколько кресел в стиле восточной роскоши, были старыми и потертыми. У красивого стола из массивного темного дерева были обгрызены края и исцарапана столешница. Наша миссия заключалась в том, чтобы проштамповать печатью предприятия тендерный пакет, который люди Хуссейна до этого выкраивали пакеты конкурентов, исправили как надо. Ну и с министерскими познакомиться.

– Не бойся, я каталог у конкурентов я порвал еще вчера, и цены их видел – сообщил Хуссейн – Сейчас их с торгов снимут и мы контракт возьмем!

Дверь открылась и в комнату вошла молодая чиновница. До начала разговора, доктор протянул ей тетрадь со столларовой купюрой между страниц. Надо сказать, что в то время в Ираке государственный служащий среднего положения получал 9 – 15 долларов США в месяц плюс бесплатный набор продуктов по талонам исходя из количества человек в семье, плюс взятки на сумму, зависящую от собственной позиции и таланта. Взятничество, или «бакшиш» (что собственно считается подарком, а не взяткой) то, без чего не обходилось ни одно простейшее дело. Пройдешь мимо вахтера – дай и ему копеечку. Так на востоке осуществлялось перераспределение доходов в обществе. Кстати, о деньгах. Самая крупная купюра – 250 динар. На нее можно было купить, скажем, бутылку пепси на улице. Курс обмена к доллару составлял тысяча девятьсот динар за один доллар, соответственно, сто баксов, обменные на динары, выглядели пугающей кучей денег. Поэтому кошельков никто не носил, деньги (небольшие) носили в карманах, а суммы покрупнее (ну от 100 долларов) – в черных полиэтиленовых пакетах. Идет такой человек по улице с черным пакетом, новичок иностранец может подумать, что там книги ну или пара кирпичей. Ан нет, деньги там.

Получив бакшиш, чиновница заулыбалась Хуссейну, и оба затархтели по-арабски, изредка поглядывая на меня. Потом, она достала пакет документов и протянула Хуссейну, тот передал мне и я начал шлепать печать на листы.

– Вот, – довольно сказал Хуссейн – Теперь хорошо! И занялся разговором с чиновницей, совсем забыв обо мне, а я просто слушал плавную речь, по интонации догадываясь, что наши дела идут хорошо, что Хуссейну здесь рады, он имеет вес, а значит, дело будет сделано.

– Теперь на обед! – заявил мой компаньон, когда чиновница вышла из комнаты, унося в руках наши бумаги.

Мы приехали в ресторан, где наш обед затянулся и превратился в бесконечное действо, переходящее в ужин, деловую беседу и официальный прием. За столом нас посетили господа

из министерства, и другие нужные люди. Основной груз беседы нес Хуссейн, а я лишь по мере возможности вставлял короткие фразы и демонстрировал степенную важность, кроме того, налегал на еду. Обедать на Востоке умеют. Обычный иракец весь день бегаёт по делам (ну или дремлет дома), перебиваясь крепким кофе и еще более крепким чаем, с сахаром. Сахара насыпают натурально пол стакана. Едят только вечером, но уже основательно, а если с гостями, то катастрофически обильно и долго. Так как я был гостем, то во все последующие дни и приезды меня каждый вечер кормили соответствующе, то есть на убой. Садись за стол после рабочего дня, полного беготни, ожидания, бесконечных разговоров и снова ожидания, а потом снова беготни между ледяными от кондиционеров помещениями и горячей душной улицей, а на столе: свежие лепешки только из печи, приправы, хумус, соленья, овощи, нарезка мясная, салаты, супы. Конечно, нахватаешься всего этого, а потом появляется очень радушный араб и ласково спрашивает: «Ну а теперь, что кушать будете?» И далее по списку: шашлык из нескольких видов мяса, кебаб из нескольких видов мяса, карп, запеченный в тандыре, курятина вареная и на шампурах, кузи с бобами и бараньей лопаткой, и шурпа, и плов, и все это опять с вкуснейшими лепешками и приправами. А потом чай, а потом сладости. А потом опять чай. Чай по-арабски – «чай» удобно, но после всего этого, чая уже не хочется. И так практически каждый день. К концу экспедиции в Ирак, призыв «на обед» воспринимался уже без энтузиазма. Я даже пытался притворяться больным, симулируя опасные заболевания, но меня снова и снова безжалостно принуждали к обеду. Невежливо отказываться покушать с принимающей стороной.

Последующие дни шли как под копирку. Утром долгое ожидание, затем дорога в «организацию», ожидание там, через два часа сообщение, что сегодня никаких встреч не будет, далее дорога в офис, сидение там практически без дела до самого вечера, и пресловутый обед до ночи. Так продолжалось несколько дней. Все очарование заграникомандировки испарялось и приходило осознание того, что такое желанное многими, рабочее путешествие за границу, на деле тяжелое и зависимое пребывание в незнакомой обстановке с чужими правилами.

В один из вечеров, когда за окном офиса стемнело, и Хуссейн, не обращая на меня внимание, сидел за столом перебирая бумаги в явном нежелании идти домой, мне привиделся короткий сон. Я увидел листья пальм, которые словно широкие зазубренные сабли чернели на фоне синего ночного тропического неба. Сам небосвод был усыпанный гигантскими и древними звездами, а нагромождения старинного города отсекали геометрически правильные зубцы. У стен бродили звероголовые боги, львы ревели в темноте, свистели гиены, и стража глухо била древками копий об земляной пол в проходах ворот. Вечность, скрутила сознание как тяжелую намокающую тряпку, а потом со всплеском бросила в черный омут прошлого. Я захлебнулся и начал тонуть, потом резко открыл глаза.

Хуссейн также сидел за столом, уткнувшись в бумаги. Потом он отвлекся на минуту, вспомнил о моем существовании и спросил:

– Хочешь завтра в Вавил? Дел все равно нет.

«Вавил» – Вавилон по-арабски, и я сказал, что конечно хочу. Утром за мной заехал водитель и на раздолбанной машине мы выдвинулись в Вавилон. Дорога через бесчисленные поселки, заваленные мусором и пылью, заняла не больше часа. Мы въехали в оазис финиковых пальм и остановились на стоянке, дальше нужно было идти пешком. Здесь, вблизи Евфрата, было много зелени, серо-желтую пустыню скрывала трава, в кустах и акациях трещали птицы, а бесчисленные каналы поблескивали тяжелой глинистой водой.

Тропинка привела к пункту продажи билетов, где нас пропустили без всякой платы. Туристов все равно не было, кроме того, кассир узнал, что я из России и был крайне обрадован этим обстоятельством.

Через ярко-синие ворота богини Иштар мы вступили в город. Узкая, проложенная, словно на дне колодца тропа, вела между стен из древнего песчаника в лабиринт обплывших

строений столицы древнего царства. Стены были испещрены разрушительным временем, в некоторых местах, на углах и перекрестках отчетливо была видна клинопись. Бесконечный лабиринт пустынного цвета стен, казалось, не имел ни выхода, ни входа. Следуя вдавленным много тысяч лет назад знакам, я повернул за угол, и вступил в квадратный зал. Солнце внезапно исчезло, а мой провожатый растворился в мареве жаркого полдня. Зал был закрыт полуразрушенным куполом, тени в углах дрожали и шевелились, и чей-то шепот казалось, шелестел по темным углам:

– Мы знаем тебя, мы тебя знаем...

Я поднял голову, и закружился, следуя вверх, в яркое небо в дырявом куполе, за водоворотом духов всех пустынь и степей, за их призрачными армиями, за леопардами, царями и войнами, за руинами их столиц и шатрами властителей, стертых давным-давно и превратившихся в ковыль и в пыль.

– I lost you – проговорил водитель, появившийся в дверном проеме – Йелла, go. И он показал руками направление. Я пошел за водителем. Мы еще полчаса побродили по улицам с древним асфальтом под ногами, а потом развернулись и пошли в сторону машины. Делать было больше нечего. Вавилон был пуст и мертв, а еще становилось нестерпимо жарко, романтизм обстановки выпаривался из организма и стекал по спине вместе с каплями пота.

В пустыне на жаре устаешь очень быстро, когда мы снова оказались в машине и кондиционер обдул нас своим живительным холодом, я с облегчением вздохнул и подумал, что на сегодня хватит экскурсий, хождений, древностей и фантазий, и что хватит самого Ирака, с его древними и современными идолами, пылью и жарой. Пора было менять климатическую зону, дожди и тяжелое серое небо Родины давно и явно меня ждали. К счастью, через пару дней все дела были закончены, Хуссейн сказал, что через неделю он пришлет подписанный контракт, нашу первую крупную сделку. Я сел в такси и под напутствия Хуссейна, а также в компании с его дальним родственником, которого он посадил в машину за мой счет, снова пересек пустыню, сел в самолет в чистенькой Иордании и прилетел домой.

Красная восьмерка и другие дела.

Родной офис встретил меня приятной турбулентностью. Персоналу меняли машины. Этот процесс, подобно исторически положительному дворцовому перевороту или прогрессивным реформам просвещенного монарха, был запущен сверху и грозил дойти до самых низов организации. Посторонним В. мудростью своею приобрел новый Мерседес. Освободившийся при этом старый Мерседес, согласно принятым традициям автомобиленаследования был передан одному из ближайших сподвижников – Эполету. Кроме того, Лось, будучи вторым в среде равных, тоже приобрел себе новый Мерседес. Старый Мерседес Лося также ждал нового владельца. Надо ли говорить, что каждая последующая замена высвобождала в фирме машину классом ниже для нижестоящего сотрудника. В офисе началась лихорадочная борьба за номерные знаки. Обострились отношения клиентелы и ленной зависимости. Начальники отделов претендовали на машины руководства, сотрудники отделов на машины своих начальников.

Упырь, только что получивший новую БМВ за контракт с Египтянами машины не ждал, а значит и мне, наследовать было нечего. Однако, Упырь не мог допустить, чтобы при знатном рыцаре обретался ободранный оруженосец, это понижало бы его уровень в табели о рангах и иерархии фирмы, поэтому, он несколько раз бегал к директору и шептался обо мне, уверенно кивая. Разговор шел о предоставлении мне машины, машина нужна была мне для работы, мотивации и была бы знаком причастности Упыря к решению вопросов собственности, главных вопросов бизнеса, надо сказать. Посторонним В. не хотел отказывать своему главному советнику, тем не менее, передал дело Лосю, и уже затем с облегчением наблюдал, как представители двух влиятельных сил нервно переговаривались по вопросу предоставления мне машины. Упырь напирал на мои заслуги в деле «окучивания» Ирака и на мою общую рабочую ценность. Лось же, которого наши успехи скорее удручали, ибо он боялся, что с ростом зару-

бежных контрактов вырастет и влияние Упыря, отговаривался тем, что я еще мало работаю и передача мне машины, может вызвать недовольство среди старшего состава. Вопрос повис в воздухе, но Упырь не отставал. И вот однажды Лось подошел ко мне.

– Слушай, – сказал он – Паспорт с собой? Никуда не уходи, сегодня после обеда едем в ГАИ, Олег перепишет на тебя свою «восьмерку».

– Да? Хорошо, а ему что? – спросил я.

Лось сделал задумчивую паузу, взвешивая, стоит ли посвящать меня в тонкости подкованного мира, а потом сказал:

– А ему ничего. Проворовался парень. Только смотри, ему ни слова, пока документы от него не получим на машину!

Итак, Лось сделал меня частью плана по отбору машины у проштрафившегося менеджера. Более того, он устроил все так, что я лишь минуту размышлял о моральной стороне грядущих действий, быстро успокоился, отбросил детский порыв отказаться и стал наблюдать за Олегом.

Это был высокий и тощий как жердь молодой человек с пшеничными волосами и орлиным носом. Близко посаженные глазки смотрели особенно остро, если разговор шел о деньгах. Олег как раз говорил по телефону. Он занимался запчастями, а значит, имел доступ к неучтенному кэшу и неофициальным сделкам.

– Ножи для грейдера?

Олег подпрыгнул на стуле и быстро стал записывать данные в тетрадь. В его глазах читалось предвкушение легкой добычи. Ножи были крайне прибыльным товаром. Кончив писать, он бросил трубку и выбежал из офиса. Я работал уже достаточно давно, чтобы понимать, что эти ножи станут предметом левой сделки, и всю прибыль Олег положит в свой карман, минуя карман фирмы. Судя по всему, эта деятельность приобрела у него уже серьезные масштабы.

Ну что ж, – думал я – Потерявший осторожность и чувство меры делец – законная жертва для более крупных хищников, тем более, если они его начальство.

Олег тем временем, узнал от Лося, что ему передается Тойота его начальника Жени Балугу, а свою восьмерку он должен передать мне. Окрыленный скорым получением более престижной иномарки он был явно в приподнятом настроении. Он даже подошел ко мне, и мы поговорили о предстоящем событии. Олег считал себя продвинутым бизнесменом, и смотрел на меня несколько свысока. Но сегодня в честь очередного приобретения, он снизошел до того, чтобы рассказать мне об особенностях своей «восьмерки», гордо замечая, что он-то конечно уже сегодня пересядет на нечто более стоящее и дорогое, но и у меня тоже будет железный друг, более престижный, чем рейсовый автобус.

Я слушал, и думал, что это весьма странное ощущение, смотреть в глаза обреченного, ибо его ближайшая судьба, лично мне уже была известна. Ни на что Олег не пересядет, более того, он вылетит из компании и будет доволен тем, что дело не кончилось бандитами и постановкой на счетчик.

После обеда мы приехали в ГАИ, сняли с «восьмерки» номера и отдали все документы куда следует – знакомому капитану автоинспекции. Капитан появился через час с новыми номерами и пачкой бумаг. Олег спросил, почему нет машины Балугу, и почему ее не готовят для передачи в его руки? Проинструктированный Лосем, гаишник ответил, что иномарки под особым контролем и сейчас они пробивают номера будущей машины Олега на предмет незаконного ввоза – ничего не поделаешь, процедура, но уже завтра, Олег сможет наслаждаться дорогим автомобилем и чувством превосходства над более бедными гражданами. Честными глазами я посмотрел в глаза Олегу и взял из его рук документы и номера на машину, которая стала моей. Тот слегка поник, но вспомнив об ожидающей его завтра новой машине приободрился, и мы разъехались по домам.

Утром ничего не подозревавший Олег был вызван в кабинет к Лосю. Через стекло кабинета Лося, я видел, как в ходе разговора высокая фигура Олега горбилась все больше и больше, а крючковатый нос почти уткнулся во впалую грудь. Лось сохранял каменный лик. Низвержение заняло не более пяти минут. Уволенный встал. Ссутулившись и потеряв почти половину роста, покидая офис, он быстро взглянул на меня. В его взгляде не было укора или ненависти, а было тупое непонимание того, как быстро и неотвратимо все случилось, и как с такой легкостью его обвели вокруг пальца. Я спокойно выдержал его взгляд и подумал, что не испытываю никаких значительных чувств ко всем этим делишкам. Под окном, на площади перед офисом, стояла красная «восьмерка» – моя первая машина.

Подошел Боча:

– Старик – обратился он в своем обычном приятельском стиле, – Подбрось в одно место тут, ты же на машине теперь.

Я поглядел на Упыря, тот кивнул, мол, тренируйся. Я быстро собрался и вместе с Бочей, мы вышли пошел прочь из офиса на свежий воздух. На улице было замечательно. Многополосное шоссе пыльной гремящей лентой отсекало нашу промзону от жилых кварталов города, высокие эстакады грузно перебрасывали свои змеевидные туши через серпантин железнодорожных путей, по которым неслись металлические многочленные черви-поезда с ржавыми и пыльными панцирями.

Забравшись в капсулу автомобиля, мы на время слились с громыхающим потоком и вынырнули из него уже на другом краю города, у старого здания с банком на первом этаже.

– Я сейчас – бросил Боча, а через двадцать минут появился с долларами в руке. Доллары были скручены на гангстерский манер в тугой рулон. Прятать их он даже не пытался. Наоборот, казалось, стремился хвастливо продемонстрировать их мне, мол, успешен и ничего тут не поделаешь. Более того, по привычке выбалтывать все, Боча тут же открыл мне, что доллары получены в качестве отката, и что если начальство его ценить не хочет, то он сам может позаботиться о своем заработке.

Так это работало. Если менеджер что-то покупал для фирмы, он неизбежно закладывал в стоимость свою долю. Сначала требовал скидку, а потом, получив оную, прикидывал, сколько будет не очень заметно, прибавлял сумму к стоимости, чтобы потом получить эту разницу наличными от такого же менеджера на другом конце сделки. Иногда, в процессе перепродажи, менеджер умудрялся получить откат и при покупке и при продаже одного и того же бульдозера, ну или там, погрузчика, неважно. Конечно, честный менеджер себе такого не позволял и действовал исключительно на благо фирмы. Однако, честность – материя химически нестойкая, в высшей степени подверженная эрозии и крайней летучести. Честность менеджера – это сверкающий сталью клинок, все-рубящий и несокрушимый. Но стоит упасть на него каплям зависти и обиды (что мало платят), и в считанные минуты покрывается клинок этот ненадежной ржавчиной. И быстро съедает эта ржавчина кленок честности весь до конца, как кислота съедает обломок пенопласта под восторженное молчание школьников, собравшихся для незаконных игр за гаражами. И вот, менеджер уже коррумпирован, и уже оговаривает по известному телефону свою «часть» и планирует расходы исходя не из зарплаты. При этом руководство обо всем догадывается, но поскольку поймать за руку в таком деле почти невозможно, закрывает глаза, считая происходящее неизбежным злом. Боча, как мудрый менеджер, живущий на откатах, роскоши не демонстрировал, делился с партнерами и особенно не наглез, поэтому, судьба Олега ему не грозила, и он спокойно мог годами жить, имея такой вот дополнительный заработок.

Откат необходимо было обмыть, и мы пошли в ресторан.

Третьим за компанию был приглашен сотрудник отдела запчастей Максимушка Балаганов, здоровый парень с детскими голубыми глазами и привычкой драться с охраной заведений, где он напивался. Наши фигуры, две крупные и одна помельче, на мгновение отразились в

стеклянной витрине заведения. Дверь заскрипела, фигуры завибрировали на неплотно закрепленном стекле и исчезли, но уже через минуту материализовались на нарочито грубых, сделанных под интерьер русской избы, лавках за столом.

Боча банковал. На столе стали появляться несложные замечательности, как то: селедка с ломтиками вареной картошки и кольцами маринованного лука поверх перченой темно-серебристой кожицы, заливное мясо на блюдах пересыпанных сежей зеленью, тарелка с нарезкой из языка и корейки, маринованные грузди, корзинка с ломтиками черного, посыпанного тмином хлеба. И конечно, появился графинчик с холодной водкой, а также три запотевшие водонапорные кружки-башни с пивом. Отхлебнув из кружек-башен, мы занялись закусками, перемежая процесс жевания процессом разговора. Сначала, по неписанному законом конторских посиделок требовалось обсудить глупое руководство и его жадность. Затем, каждый перебивая, рассказывал о своих делах и бедах, и как кому не доплатили за ударный труд. Затем разговор перешел на исторические и мировые проблемы, а потом на то, кто в конторе из женской части достаточно хорош для таких красавцев и героев как мы. К тому времени пиво и водка были выпиты, затребован повтор, уничтожен и снова затребован. Наконец, настало пресыщение, мы сидели глядя друг на друга маслянистыми глазками и Боча сказал:

– Еще только три часа, надо бы в контору вернуться!

Сказано – сделано, наша нетрезвая троица вошла в красную «восьмерку» и, петляя по городским магистралям, вскоре прибыла в офис. Заходя в офис пьяным, следует помнить, три главных правила нетрезвого человека на работе: нельзя проявлять рвение и подходить к начальству с ценными идеями, нельзя маячить и привлекать к себе внимание окружающих, и наконец, лучше вообще не смотреть по сторонам и не разговаривать.

Опытный Боча, поступил в строгом соответствии с этими правилами, он быстро прошел между столами, смотря исключительно в пол, занял свое место за компьютером, надел очки и уткнулся в экран, переваривая опьянение и тихо улыбаясь собственным мыслям. Я сделал то же самое. Максимушка же, поступил ровно наоборот. Не пытаясь скрыть блаженную улыбку хорошо поддатого человека, проходя мимо стеклянного кабинета Лося, он шатко развернулся, вытянулся во фронт, приставил руку к бедовой голове и выпалил:

– Виктор Леонидович, мы пришли!

Лицо Лося вытянулось. Он привстал, мгновенно оценил обстановку и закричал:

– Так вы двое – указывая на меня и на Максимушку – Срочно ко мне!

И через долю секунды:

– И Бочарян тоже!

Короче, выгнал он нас из офиса протрезвляться. Несколько минут мы стояли на площади перед заводом, потом, не сговариваясь, перешли по переходу на вокзал и купили там пива. Потом купили еще. Потом я развез соратников домой. Максимушка, по прибытии к дому не обнаружил ключей и стал со страшным грохотом стучать в подъездную дверь, пытаясь привлечь внимание жильцов. Справедливо полагая, что скоро внимание будет привлечено, мы с Бочей поспешили ретироваться. С бутылкой пива в одной руке, я уверенно вырулил со двора, дал проехать милиционеру уазику, который направлялся на шум, издаваемый Максимушкой, и смешался с потоком машин. Домой я попал уже затемно. Кажется, останавливался еще в паре мест, пил пиво и ел липкую, не до конца разогретую пищу. Утром, охая и останавливаясь отдышаться, я прибыл на стоянку. Красная «восьмерка» стояла припаркованная в высшей степени ровно и аккуратно. Раздался звонок мобильного телефона:

– Привет это Макс, – раздался сиплый голос – Меня вчера в трезвяк замели, можешь забрать и домой подбросить?

Эпическая рыбалка.

Через пару недель после этих событий в кабинетах руководства возникла странная суэта и пертурбации. Лось и Посторонним В. с напряженными лицами о чем-то беседовали, иногда

Лось выбегал из кабинета и тогда в него забежал Упырь, и Дубовир, потом снова шли переговоры Лося с Посторонним В.. Менеджеры сидели слегка притихшие, начальству было явно не до нас. В итоге, я спросил Упыря, что происходит и тот задумчиво ответил:

– Лось уходит, свой бизнес открыл. Заработал на Витиных контрактах денег и теперь самостоятельно хочет работать.

– А Витя что?

– А что он сделает? Лось был совладельцем, партнером и имел доступ к деньгам и всем нужным контактам, несколько магазинов купил под шумок, офис, производственную базу. Теперь он сам по себе.

Я задумался. Ситуация была стандартна для бизнеса, впоследствии я наблюдал ее много раз. Итак, некто начинает свое дело. Начать и успешно вести бизнес – это вам не лобию кушать, это непросто, непредсказуемо, а иногда и опасно. Поэтому некто, как правило, начинает бизнес в «компании единомышленников», или попросту друзей – приятелей, с которыми комфортно и на первых порах легче найти понимание и поддержку. Ведь вы друзья и делаете общее дело.

Но, возникают и сложности, например, этими «единомышленниками», с которыми ты совсем недавно за пивком планировал будущее мировое господство надо еще и руководить. А как ты сможешь управлять, понуждать и заставлять своего товарища? Психологически это трудно. На этом месте делается главная ошибка. Являясь фактически подчиненными, друзья возводятся в разряд «партнеров» с широкими полномочиями, а в самых тяжелых случаях, им дается доля в предприятии. Ведь они твои товарищи, вместе с тобой поднимают твое дело и должны быть мотивированы и не обижены. Далее, как под копирку, начинается движение к распаду. Сначала «партнеры» работают хорошо (ну или босс так считает), потом, с появлением крупных дел и денег в голове «партнера» неизбежно происходит химическая реакция и он начинает думать, что в компании, куда его пригласили по дружбе «партнером», он вообще-то работает больше, чем босс и заслуживает большего. Босс, понятно, не видит, почему он должен еще больше повышать «партнера», ведь он и так столько ему дал. На этом этапе начинается накопление обиды, и крысятничество, но пока по мелочи. Понятно, что ситуация уже не может рассосаться сама собой, она пока не видна, но внутренне напряжение нарастает.

Проходит некоторое время, обида в «партнере» крепнет и растет, амбиции накапливаются. А потом, в один из прекрасных дней, после очередного отдыха босса на фешенебельном курорте, «партнер» окончательно утверждает в мысли, что все держится на нем, а босс его совершенно не ценит, что несправедливо и не по-дружески. На этом этапе, как правило, происходит «разговор» и босс вынужден что-то «партнеру» уступить. Тот успокаивается, но ненадолго, ибо «богатство босса сделано его руками» поэтому любого куска всегда будет мало. Далее «партнер» приходит к мысли, что раз его не ценят, а значит, никакой дружбы уже нет, следовательно, и руки развязаны. С этого момента, крысятничество начинается уже по полной программе, заводится тайный бизнес, тень собственного свечного заводика, дела компании отбрасываются на второй план и как итог конфликт с бывшим единомышленником – боссом, примерно в таком ключе:

– Где деньги!?

– Да ты мне сам еще больше должен!

Далее суды, нервы и война на многие годы.

Вывод: В собственное дело не приглашайте друзей. Сделает друга «партнером» – лишитесь и друга и части бизнеса. Сделаете друга наемным сотрудником – лишитесь друга.

Итак, Лось, в итоге ушел и увел с собой нескольких наиболее ценных сотрудников, а Посторонним В. назначил на его место шлангообразного лысеющего молодого человека, Игоря Дубовира.

Дубовир был статен, спортивен, недурен собою, глуп, и постоянно, как тот прапорщик, думал о бабах, которым он впрочем, тоже весьма нравился. Будучи менеджером, он был обыч-

ным недалеким, но не отвратительным борцом за бабки и секс, однако, высокая должность заставила его стать жадным, подозрительным и максимально гребущим под себя жлобом. При этом, окружающие понимали его вторичность, а Дубовир за это окружающих очень не любил. В итоге складывалась классическая ситуация, прижимистый заместитель, которого все тайно ненавидят, стоит между коллективом и «добрым» шефом, который смотрит на все это сверху вниз и периодически проявляет милость в духе: «Ну ладно, Игорь, не будем так строги и пойдем человеку на встречу». На новой должности Дубовир прекратил практику обмена машин, снизил командировочные, и сделал так, что свой процент от сделок менеджеры были вынуждены получать по частям и в неопределенный срок. Посторонним В, выслушивал жалобы, обещал разобраться и посоветоваться с Игорем, и конечно же ничего не происходило, кроме того, что жалобщики портили и так недобрые отношения с заместителем. В итоге, народ смирился и только иногда из нашего с Упырем угла, раздавалось несогласное шипение. Упырь Дубовиру не подчинялся и работал как самостоятельная единица непосредственно с генеральным директором.

Дубовир в глубине души осознавал свою непригодность и чтобы скрыть ее, говорил, стараясь подбирать умные слова и сложные выражения, получалось у него не очень. Будучи ответственным за финансы, отбиваясь от просителей, Дубовир возмущенно спрашивал:

– Я вам что, дойная яма?

Стремясь объединять и мотивировать, он обычно взывал:

– Мы же с вами одно целое, мы же не разное целое!

На проблемные кейсы он угрожающе шипел:

– Решайте вопрос, или мы тут все загремим под фанфарами!

Каждый раз после совещания, гремя под фанфарами, и в приподнятом настроении мы шли на рабочие места, а я вносил очередной ляп в специальную тетрадку, чтобы не забыть и потом поржать.

Тем временем лето было в полном разгаре и души запертые в хорошо кондиционированном мире факсов, договоров и торговли требовали отдохновения. По этой причине, было решено ехать на рыбалку без отлагательств, в ближайшую пятницу. Команда усекновения поголовья рыб выглядела следующим образом: руководящей и вдохновляющей силой являлись заядлые рыболовы Леша Козел и Олесь Пищук. Олесь, бывший мент, отсидевший два года за избиение подсудимого, был человеком спокойным и кротким. Леша же, напротив, имел нрав бойкий и вздорный, кроме того, рыбалка была единственной и настоящей его страстью. Планировалось, что эти двое поедут в первой машине с основными снастями и лодкой, взгроможденной на крышу. Со мной в машине должны были ехать двое, кавказский человек Роман, а также некто Андрияха, отец семейства к рыбной ловле расположения не имевший и просто желавший сбежать на два дня от жены и детей. Все необходимое было закуплено еще с утра, и команда с нетерпением ждала окончания рабочего дня. Леша Козел, за пару часов до конца работы совсем потерял присутствие духа, он взволнованно дышал, часто бегал к чайнику, выглядывал в окно и топтался обеими ногами под столом. Пищук, также ощущавший нетерпение, будучи человеком спокойным, беготни себе не позволял. Он только страдальчески отрывал глаза от монитора, в тоске обводил взором рабочее пространство, и снова со вздохом погружался в пасьянс. Наконец Козел не выдержал и метнулся в кабинет к Дубовиру, который теперь вместо Лося был за главного.

– Игорь, – взмолился Козел – Отпусти нас на час раньше!

– А вы чем сейчас заняты?

– Да так, текущая работа, ничего важного

Дубовир неожиданно разозлился:

– Достала меня ваша текущая работа! Только в карты играетесь!

Козел отразил на своем лице выражение одновременно виноватое, но и отчасти независимое, мол, есть работа – работаем, а нет, так что ж поделывать, играем. Дубовир подумал еще минуту, потом вспомнил о чем-то своем и что сегодня пятница, да и отпустил нас с богом.

– Так, – прокричал Козел, вбегая в зал – Все я отпросился, погнали!

– Леха, мне еще в таможню надо – робко заметил я.

Леха побледнел и пошатнулся, но быстро взял себя в руки и начал руководить.

– Так, значит едем без тебя! Ждать мы не можем, Олесь, иди заводи машину!

– Нет, ну так не пойдет – опроверг кавказский человек Рома – В компании пришел, в компании и уйдет! Иными словами, Платов в нашей команде и мы его не бросим. Будем ждать!

Козел слегка взвыл и возразил, что тогда мы должны будем догнать их по пути, на что Рома сказал, что не знает дороги. В итоге, потеряв всякое терпение, Козел и Пища выскочили из офиса и стали нарезать круги вокруг машины с лодкой.

К счастью, в таможне я пробыл недолго, как раз тот час, на который Леша Козел нас отпросил. Когда я вернулся, главные рыболовы от нетерпения потеряли всякий человеческий вид и тряслись как лихорадочные. Увидев меня, Козел, без слов прыгнул в машину, и «Нива» издав пронзительный скрежет, развернулась почти на месте и бросилась прочь из города так, что мы с трудом поспевали за ней в машине Романа. Я откинулся в кресле. Неделя с ее делами и заботами была позади, рука непроизвольно потянулась к ящику с пивом, стоящему в ногах.

– Эээ, слушай, брат, дождись меня, вместе выпьем! – имитируя кавказский акцент, заметил Рома – нэ тарапись!

Я вернул руку в исходное положение, он был прав, тем более, что ожидание только усилит удовольствие от первого глотка.

Мы летели по трассе за «Нивой» с лодкой на крыше. Нетерпеливый Пищук гнал, выжимая из машины всю скорость, на которую та была способна. Делая резкий обгон или поворот, шаткая конструкция гремела и запрокидывалась, так что Рома старался не ехать слишком близко на случай, если лодку сорвет на дорогу. Наконец, трасса закончилась, мы въехали в березовые колки и по проселочной дороге стали прокладывать путь к озеру. Несколько мест машины преодолели по гатям и импровизированным мостикам, а почти в конце пути, дорогу пересек довольно широкий и полноводный ручей, мы остановились. Из «Нивы» показалась бедовая голова Козла:

– Ромка, не ссы! Давай первый!

И Козел замахал руками, приглашая нас промчаться по двери в воде через ручей, не утопив при этом машину. Роман для облегчения аппарата выгнал всех из салона, сжал губы и подняв водоворот глины и песка продрался по дну ручья колесами и вырулил на другой берег. Настала очередь «Нивы». Пищук с сомнением покачал головой.

– Леха, я тут ездил в том году, но воды столько не было, а дно очень илистое, – сказал он – давай в объезд, а то застрянем.

Козел размышлял ровно секунду.

– Да, давай вернемся, там проселок был, на него свернем и эту канаву объедем – сказал разумный Леха Козел и машина с лодкой крыше, как головной танк отступающего батальона, медленно начала сдавать назад и вскоре исчезла среди зелени деревьев. Мы переглянулись.

– Леха, блин, вот ты урод! – прокричал для порядка пораженный таким отступлением герой форсирования Роман. Его крик прозвучал не очень убедительно и растворился в шелесте листьев и ветвей. Прекрасный летний день клонился к вечеру, и озеро уже сверкало невдалеке чешуйками золотых блесен отраженного в мелкой ряби заката.

Когда мы подъехали к озеру «Нива» уже ждала на берегу. Оказалось, мы просто сбились с пути, и переход ручья был ненужным риском. Пища и Козел быстро разбирали снасти и готовили лодку. Даже предложение выпить они встретили прохладно, но не отказались. Рома налил всем водки и произнес:

– Ну, за рыбалку!

Выпив первую, Козел и Пища прыгнули в лодку и помчались по водной глади, расставляя сетки и бросая прикормку в специальных местах, потом блеснили, сидя попеременно на веслах, потом размотали удочки и на время умиротворились, наблюдая за поплавками на едва покрытой рябью поверхности. Мы же занялись хозяйством. Поставили палатку, набрали веток для костра, оборудовали лагерь, выставив из машин весь алкоголь и закуску. Пиво предусмотрительно поместили под воду, снабдив закладку грузом и привязав ее к прибрежным кустам. Еще в городе возникла дискуссия о продуктах. Вопрос о водке не возникал, оспаривалось только ее количество, а вот закуска вызвала серьезные споры. Козел предлагал радикальный подход – одиннадцать бутылок водки, пять литров пива и хлеб.

– Остальное поймает! – заявлял он.

Однако, обстоятельный Роман отверг этот подход, полный романтического анархизма и юношеской непосредственности. По его настоянию были приобретены сосиски, сыр, палка копченой колбасы, а также взята из дома трехлитровая банка домашнего лечо, которое кавказская мама Романа сделал собственноручно из даров юга. Лагерь был поставлен у поваленной березы. Удобно расположившись на широком стволе, мы готовили бутерброды с сыром и колбасой, потягивая пиво из прохладных полторашек. При этом Роман не забывал периодически наливать и водки.

Закончив с бутербродами и разведя костер Роман спросил:

– Так, где там удочки?

– Тебе зачем? – удивился Андрюха.

– Ну как, вроде на рыбалку приехали – протянул Роман – Хотя я вырос на Кавказе, а там у нас не было только двух вещей – хоккея и рыбалки.

– А знаете, – заговорил я – ведь когда-то в детстве я был заядлый рыбак. Но потом что-то случилось и с тех пор мне жаль рыбу мучать.

Мы помолчали. Повисла пауза, но Рома строго скомандовал:

– Так, не вовремя налитая следующая – есть безжалостно загубленная предыдущая!

Мы снова выпили. Я намазал лечо на ломоть черного хлеба, Андрюха клюнул носом, а Роман стал наблюдать за рыбаками в лодке, потягивая пиво прямо из горла бутылки. Я последовал его примеру, сделал большой глоток и зажмурился. Все блаженство летнего вечера волнами прокатывалось по моему телу и приятно дрожало в кончиках пальцев. Кроны деревьев вырезали на огромном желтом диске заходящего солнца причудливые узоры, ветер прекратился, и в воздухе установилась невыразимая прозрачность. Казалось, все мысли и чувства стали кристально чистыми, и потом вдруг с тихим звоном рассыпались и исчезли, оставив лишь пустоту, сквозь которую виднелись только темные березы и облака у горизонта.

– Господа, – проговорил Андрюха – Пардон, я на минутку. После этого он вполз в палатку и захрапел. Мы же остались сидеть на берегу очаровательного лесного озера, ведя неспешный разговор, так и не прикоснувшись к удочкам. Тем временем, лечо и сосиски были съедены, пиво выпито, отряды водки заметно поредели, а наши рыболовы возвратились с промысла.

Было видно, что Козел и Пищук – профессионалы. Из мешка на траву Леша Козел вывалил добычу. Три крупные щуки с черными спинами и темными в крапинку боками извивались как змеи, килограммовый судак, распахнув окровавленную пасть, демонстрировал кошачьи клыки и хватал негодный для него воздух, серебряная плотва пружинила и билась в тщетном стремлении плыть, десяток крупных окуней с помутневшими глазами лежали, сливаясь с травой.

– А вы что, уже выпили? – воскликнул Козел.

– Да, нажрались уже! – подтвердил Пищук.

Козел в негодовании отложил рыбу, взял стоящую на стволе березы бутылку водки и сыграл долгого горниста. Когда он перевел дух, бутылка наполовину опустела. Пищук последовал примеру товарища.

– Вот теперь хорошо! – воскликнул Козел, вытирая губы.

– Сейчас будем варить настоящую рыбацкую уху, а часть рыбы, завтра закоптим! – провозгласил Пищук и взялся за дело.

Вся рыба тут же была умерщвлена, выпотрошена и распределена. Часть отправилась в ведро для ухи, а наиболее крупные экземпляры засолены, для завтрашнего копчения.

Стало темно и холодно, Козел надел потертую фуфайку и стал похож на хитрого деревенского мужичка, неказистого, но мастеровитого и способного сварить суп хоть из топора. Собственно супом он и занимался. Пока Пищук, размахивая и разводя руками, под водку, пиво и остаток сосисок рассказывал нам их рыболовные похождения, Козел то и дело светил фонариком в ведро, контролируя процесс варки ухи. Наконец он объявил, что готово. Уху он налил в большие пиалы, по старой рыболовной традиции ее предлагалось пить. Я отхлебнул и чувствуя как горячая и невероятно вкусная жидкость согревает меня изнутри, лег на траву и стал смотреть на звезды. Сидящий по соседству Рома, видимо испытал сходные чувства.

– Леха, ты бог ухи, – объявил он – Еще добавь.

– Стоп! – вскочил вдруг Леха – Самое главное забыл!

Он исчез в темноте и вернулся с бутылкой водки, на ходу скручивая пробку.

– Светите! – приказал он – Рыбацкая уха без ста граммов водки – не уха!

Пищук взял фонарик и начал щелкать. Свет не загорался.

– Ладно, по булькам добавим, – Козел отстранил неудавшегося осветителя, и начал наливать водку в уху.

– Леха, а ты не много ли льешь? – спросил Рома.

– Тихо! – заорал уже пьяный Козел – Не учить отца!

Выбросив опустевшую бутылку, он налил всем добавки ухи. Отхлебнув новую порцию, мы синхронно поставили чашки на землю, в них была горячая и жирная водка.

– Ничего, к утру выветрится, – уверил всех Козел – А соски еще остались?

Далее последовала ночь непрерывных возлияний. Наша компания у костра не была постоянной. Периодически кто-то из нас отползал спать, а потом, проснувшись, подходил к костру за новой порцией спиртного, смотрел на алые угли, и снова уползал в темноту. Рассвет застал у костра двоих. Я и Роман, покачиваясь, сидели на земле и смотрели перед собой, туман клочками ваты висел над озером, в палатке храпел Андрюха, а Козел и Пища спали сидя на передних сиденьях «Нивы». В прибрежных камышах несколько раз прокричала птица, и Козел открыл глаза. На стекле перед его лицом сидел комар. Лицо Козла приняло сосредоточенное выражение, он поднял ладонь, секунду помедлил и нанес удар. Ладонь опустилась на стекло в десяти сантиметрах от комара, комар не пошевелился. Козел прицелился и ударил снова, на этот раз удар также пришелся в десяти сантиметрах от цели, но уже с другой стороны. Комар сидел на месте. Козел нанес еще несколько неточных ударов, наконец, комар не выдержал, перелетел на Пищуково лицо и стал пить из него кровь. Козел прекратил борьбу, уронил голову на грудь и снова заснул.

Прошел еще час, пение птиц, утренний бриз и стрекот нового дня постепенно вернули нас к жизни. Поправившись остатками водки из бутылки у потухшего костра, мы занялись практической деятельностью. Проспавший все Андрюха был послан за дровами, Пища и Рома, взяв спиннинг, поплыли к ближайшим камышам, а я и Леха стали строить коптильню. Чтобы строительство шло как надо, мы захватили водку и хлеб. В итоге, в обрывистом берегу было сооружено нечто из камней и земли, что напоминало длинную трубу с вертикальным отводом в виде буквы «Г». Не доверяя мне главную работу, Леха сам обмазал стены коптильни глиной, а потом принес рыбу. Не переставая пить, мы развели костер в горизонтальной части трубы

и забросали его свежими ветками для дыма. В вертикальную часть предполагалось подвесить рыбу. Я прислушался, вдалеке кто-то с остервенением что-то рубил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.